Пешехонов

Экономическое положение Кре-
дедзор.

3А

и находившимися въ связи съ нею преобразованіями. На этотъ счетъ, по скольку вопросъ касается крестьянства, въ настоящее время нѣтъ даже разногласій. Спорятъ лишь о томъ, куда—вправо или влѣво—нужно свернуть съ пути, по которому была тогда направлена крестьянская жизнь.

За истекшіе полвѣка не мало было сдѣлано шаговъ и прямо въ обратномъ направленіи. Съ особою силою это стремленіе вернуться назадъ, возможно ближе къ крѣпостнымъ формамъ государственной жизни, сказывается въ нѣкоторыхъ политическихъ кругахъ теперь, на порогѣ новаго пятидесятилѣтія. Странно даже говорить, но до сихъ поръ намъ приходится считаться съ идеализаціей крѣпостного права, какъ „великаго по замыслу учрежденія“, и съ квалификаціей его отмѣны, какъ непростительной исторической ошибки. Но на страницахъ настоящаго изданія нѣтъ, конечно, надобности останавливаться на этихъ потугахъ возвеличить прошлое съ цѣлью направить поиски народнаго благополучія въ ту сторону, гдѣ его никогда не было...

Причины, почему „великая реформа“ не дала ожидавшихся отъ нея результатовъ, достаточны ясны. Во всякомъ случаѣ одно можно утверждать съ полною увѣренностью: не въ заданіи была ошибка, а въ выполненіи. Свободный трудъ, несомнѣнно, могъ бы явиться вѣрнымъ залогомъ народнаго благосостоянія; все дѣло въ томъ, что и послѣ реформы онъ оказался несвободнымъ.

„На мѣсто сѣтей крѣпостныхъ, по извѣстному выраженію поэта, люди придумали много иныхъ“.. Желая уяснить себѣ экономическое положеніе русской деревни въ пореформенное время, мы и должны будемъ остановиться, главнымъ образомъ, на этихъ сѣтяхъ, которыми было опутано крестьянство и которыя помѣшали ему развернуть свои экономическія силы и упрочить свое экономическое положеніе.

I.

Въ ряду причинъ, помѣшавшихъ крестьянству „мало-мальски благополучно утвердиться“, первенствующее мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ земельнымъ условіямъ, въ какія оно было поставлено реформой 1861 года и всей дальнѣйшей земельной политикой.

Не повторяя здѣсь подробностей надѣленія крестьянъ, напомнимъ лишь общіе результаты этой операціи.

Вышедшіе на волю крестьяне, по общему правилу, должны были получить то количество земли, какое находилось въ ихъ пользованіи до 1861 года. Но отъ этого общаго правила былъ допущенъ цѣлый рядъ отступленій, отчасти въ пользу крестьянъ, но, главнымъ образомъ, въ пользу помѣщиковъ. Въ конечномъ счетѣ крестьяне получили значительно меньше

земли, чѣмъ имѣли при крѣпостномъ правѣ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ они лишились всѣхъ тѣхъ угодій, которыми пользовались изъ части урожая или по особымъ соглашеніямъ съ владѣльцами. Потеряли они также право пасти скотъ на земляхъ, оставшихся за помѣщиками, и безплатно получать изъ ихъ лѣсовъ топливо и строительные матеріалы, чѣмъ они пользовались во многихъ мѣстахъ до реформы. Не могли они впредь разсчитывать и на прибавку земли, какая при появленіи новыхъ хозяйствъ обыкновенно производилась помѣщиками.

Такимъ образомъ, вышедшіе на волю крестьяне оказались въ гораздо худшихъ земельныхъ условіяхъ, чѣмъ въ какихъ они находились при крѣпостномъ правѣ. Этотъ результатъ отнюдь не былъ случайнымъ: къ нему сознательно стремились защитники помѣщичьихъ интересовъ въ учрежденіяхъ, подготовлявшихъ реформу. Напомнимъ здѣсь мнѣніе, высказанное членами Саратовскаго губернскаго комитета по вопросу о размѣрѣ надѣла: „...Если крестьянамъ, — говорили они, — дать земли въ пользованіе столько, сколько для нихъ потребно не только для обезпеченія первыхъ необходимостей существованія, но даже для полной зажиточности, то, будучи довольны своими участками и не нуждаясь ни въ съемкѣ земли, ни въ предложеніи своего труда въ то время, какое имъ останется за обработкою своихъ участковъ, они не станутъ обрабатывать помѣщичьихъ полей, и, такимъ образомъ, и сами будутъ коснѣть въ лѣности и владѣльцевъ оставлять безъ возможности извлекать выгоды изъ своихъ земельныхъ капиталовъ... Для предупрежденія такого зла надо надѣлить крестьянъ землею въ пользованіе только въ такомъ количествѣ, которое бы не исключило нужды, сверхъ отведенной имъ земли, обрабатывать своимъ трудомъ еще и другія земли“...

Обезпечить себѣ въ лицѣ крестьянъ „постоянныхъ работниковъ“ — такова цѣль, къ которой совершенно откровенно стремилась помѣщичья партія. И эта цѣль была вполнѣ достигнута. Легко понять, что потребность въ „съемкѣ земли“ и въ „предложеніи своего труда“ лишь въ томъ случаѣ была бы устранена для крестьянъ, если бы они получили всю землю, какую обрабатывали своимъ трудомъ не только для себя, но и для помѣщиковъ. Лишь въ такомъ случаѣ полученный ими надѣлъ при данномъ уровнѣ земледѣльческой культуры болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ бы ихъ рабочимъ силамъ. Но они не получили даже той земли, какая въ крѣпостномъ хо-

[1]) Площадь, которая была отрѣзана у крестьянъ изъ числа земли, находившейся въ ихъ постоянномъ пользованіи, опредѣляютъ разно: отъ 1,3 (Каблуковъ) до $5^1/_4$ мил. дес. (Лосицкій). Особенно много земли было отрѣзано у крестьянъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ частности по Саратовской губерніи, для которой имѣются наиболѣе точныя данныя, извлеченныя земскими статистиками изъ уставныхъ грамотъ и разработанныя затѣмъ г. Серебряковымъ, крестьяне потеряли въ результатѣ реформы $43^0/_0$ имѣвшейся у нихъ земли («Матеріалы для оцѣнки земель Саратовской губ.», вып. I, часть I, Землевладѣніе. Саратовъ, 1906).

зяйствѣ отводились на ихъ долю и которой едва хватало имъ для обе пе ченія первыхъ необходимостей существованія", — для поддержанія жи ни на томъ невысокомъ уровнѣ, какой былъ доступенъ крѣпостному на селенію.

Такъ была сплетена главная сѣть, опутавшая пореформенное крест я - ство, — малоземелье. Съ приростомъ населенія, — а онъ начался, конечно немедленно, прежде даже чѣмъ крестьяне въ новыхъ условіяхъ успѣли огля дѣться,—эта сѣть сама собой должна была становиться все тѣснѣе и давить все сильнѣе.

Изъ города (Корзухина).

Обезпечить себѣ экономическую независимость вышедшіе на волю крестьяне могли въ сущности лишь однимъ путемъ—быстрой интенсификаціей своего хозяйства, значительнымъ углубленіемъ доставшейся имъ земельной площади, поверхность которой при данномъ хозяйственномъ уровнѣ была явно недостаточна. Но для этого, помимо всѣхъ другихъ препятствій, у только что освободившагося населенія не было необходимыхъ знаній и капиталовъ. Волей-неволей оно должно было пойти въ другую сторону. Лишенные возможности не только использовать свои рабочія силы на отведенныхъ имъ на-

дѣлахъ, но и прокормиться отъ нихъ, крестьяне неизбѣжно должны были для пополненія своихъ жизненныхъ рессурсовъ обратиться къ обработкѣ помѣщичьихъ полей и къ предложенію своего труда другимъ классамъ, владѣющимъ необходимыми средствами производства.

Этимъ было предрѣшено въ сущности все дальнѣйшее направленіе хозяйственной жизни вышедшаго изъ крѣпостной зависимости населенія. „Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть“... То же, можно сказать, произошло и съ крестьянствомъ. Удержаться на позиціи дѣйствительно самостоятельнаго производителя оно оказалось уже не въ силахъ: всѣ хозяйственныя отношенія его получили, какъ увидимъ дальше, вынужденный, зависимый, нерѣдко прямо кабальный характеръ.

Кромѣ недостаточныхъ размѣровъ надѣла, развитіе хозяйственныхъ отношеній въ только что указанномъ направленіи во многихъ случаяхъ было обусловлено и его составомъ. Въ надѣлѣ нерѣдко недоставало угодій, которыя безусловно необходимы при данномъ уровнѣ хозяйства и безъ которыхъ его нельзя поддерживать на этомъ уровнѣ. Въ качествѣ наиболѣе общаго примѣра, можно указать на соотношеніе между кормовою площадью и пашнею, каковое въ отведенной крестьянамъ землѣ оказалось значительно ниже нормы, обязательной при трехпольномъ хозяйствѣ. Многіе крестьяне съ первыхъ же шаговъ остро почувствовали недостатокъ въ сѣнокосахъ; еще болѣе острой и еще болѣе распространенной, почти повсемѣстной, оказалась крестьянская нужда въ пастбищахъ. Для пополненія подобныхъ недочетовъ въ надѣлѣ неизбѣжна была аренда, быстро получившая въ этихъ случаяхъ ярко выраженный характеръ не свободной, а вынужденной сдѣлки между двумя неравносильными сторонами.

Не малую роль сыграло въ томъ же отношеніи и расположеніе надѣльныхъ земель. Въ общей и статистической литературѣ описанъ безчисленный рядъ случаевъ, когда аренда по этой именно причинѣ является безусловно необходимой для крестьянъ, такъ какъ иначе нельзя избѣжать потравъ („курицу нельзя выпустить“), нельзя прогнать скотъ къ водопою или на пастбище и т. п. [1]). Расположеніе надѣльной земли имѣетъ подчасъ такой прихотливый, почти фантастическій видъ, что сама собою является мысль: случайно получиться оно не могло, для этого нужна была особая, доведенная до виртуозности изобрѣтательность. Приведемъ одинъ конкретный примѣръ. Земля крестьянъ дер. Хомуты (Орловск. губ.) расположена въ пяти участкахъ, и между ними нѣтъ иного сообщенія, какъ черезъ

[1]) Все разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ г. Мануиловъ довольно удачно свелъ къ тремъ основнымъ типамъ расположенія земель, при которыхъ аренда оказывается почти неизбѣжной для крестьянъ: а) когда чужая земля глубоко врѣзается въ надѣлъ, подходя иногда къ самому селенію; б) когда чужая земля расположена по срединѣ надѣла, и в) когда чужая разрѣзаетъ надѣлъ на части (см. сборникъ «Очерки по крестьянскому вопросу», вып. II, М., 1905 г.).

чужія земли; кромѣ того, еще три куска надѣльной земли вкраплены въ землю помѣщика, и къ нимъ уже вовсе нельзя подступиться безъ его согласія.

„Видите эту узенькую полоску,—съ ˈкакимъ-то ˈзлорадствомъ говорилъ послѣдній статистику, тыкая пальцемъ въ планъ. — вотъ я ихъ тутъ и прижму“.

Нѣтъ, однако, надобности предполагать, что всѣ такія „западни“, какъ ихъ окрестили крестьяне, были устроены преднамѣренно. Многія изъ нихъ могли появиться сами собою —даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ надѣлъ крестьянамъ поступила вся земля, находившаяся въ ихъ пользованіи до 1861 г.

Базарный день (Любимова).

У каждаго барина насчетъ распредѣленія земли въ крѣпостномъ хозяйствѣ была, конечно, своя фантазія, нерѣдко сводившаяся къ тому, что крестьяне обрабатывали для него лучшіе участки, гдѣ бы таковые ни находились. При выходѣ на волю крестьянамъ не дано было права требовать разверстанія мірскихъ земель съ господскими и отвода надѣловъ къ одному мѣсту; помѣщикъ же, которому это право было предоставлено, легко могъ найти излишнимъ въ томъ или иномъ случаѣ мѣнять свою фантазію.

Не мало „западней“ получилось также благодаря отрѣзкамъ. Иногда отрѣзались наименѣе цѣнныя для крестьянъ, „неудобныя“ земли, но это не помѣшало конечно, имъ превратиться потомъ въ „ловушки“. „Почти всѣ

помѣщики,—говоритъ г. С., которому принадлежитъ одна изъ наиболѣе раннихъ попытокъ дать общую характеристику экономическаго положенія крестьянъ въ пореформенное время,—въ первые же годы поняли, какое золотое дно составляютъ для нихъ эти безплодные и по своимъ качественнымъ достоинствамъ совершенно безцѣнные клочки неудобной земли". Благодаря своему положенію, отрѣзныя земли явились для помѣщиковъ „однимъ изъ главныхъ средствъ для полученія дешеваго рабочаго труда"; для тѣхъ же изъ нихъ, кто не велъ хозяйства и не нуждался въ наемномъ трудѣ, онѣ составили „въ высшей степени доходную оброчную статью, съ которою по выгодамъ не могло сравниться никакое интенсивное хозяйство" [1].

Такимъ образомъ и размѣры надѣла, и его внутренній составъ и во многихъ случаяхъ его внѣшнія грани оказались послѣ реформы таковы, что вышедшее на волю крестьянство сразу же должно было обратиться къ подневольному труду, продолжая оставаться „вѣрной статьей дохода" для правящихъ классовъ и прежде всего для того самаго барина, изъ-подъ власти котораго его должна была освободить реформа 1861 года.

Какія выгоды имѣлъ послѣдній отъ своего „интенсивнаго хозяйства", благодаря обезпеченной ему возможности доставать рабочую силу за дешевую плату,—учесть совершенно невозможно Но доходы помѣщиковъ отъ „оброчныхъ статей", сдававшихся ими въ аренду крестьянамъ,—въ аренду чаще всего вынужденную,—поддаются, хотя и очень приблизительному, учету.

По расчетамъ Н. А. Карышева [2] въ срединѣ минувшаго десятилѣтія, крестьяне арендовали (вмѣстѣ съ пастбищами) около 50 милл. дес. внѣнадѣльной, т.-е., главнымъ образомъ, помѣщичьей земли и платили за нее свыше 300 милл. руб. ежегодно. По отношенію къ количеству арендованной земли эти расчеты, какъ можно думать, слѣдуетъ считать нѣсколько преувеличенными. По земско-статистическимъ даннымъ, какъ тѣмъ, которыми пользовался Карышевъ, такъ и позднѣйшимъ, арендованная крестьянами внѣнадѣльная земля (безъ пастбищъ) въ 183 изслѣдованныхъ уѣздахъ составляла около 20% по отношенію къ надѣльной. Судя по этому, общее количество арендовавшейся крестьянами земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи слѣдуетъ считать отъ 25 до 30 милл. дес., а вмѣстѣ съ пастбищами (если, вслѣдъ за Карышевымъ, считать, что ихъ арендуется 10% надѣльной площади)—около 40 милл. дес. Что касается средней арендной платы, исчисленной Карышевымъ въ 6 руб. 30 коп. за десятину, то ее слѣдуетъ считать скорѣе ниже, чѣмъ выше средней за все пореформенное время,—тѣмъ болѣе, что

[1] С., «Очеркъ экономическаго быта земледѣльческаго населенія Европейской Россіи» (см. «Земля и Люди» Э. Реклю. Дополненіе ко II выпуску V тома. Спб., 1884 г.).

[2] «Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики», т. II. «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды», Дерптъ, 1892 г.

Карышевымъ были приняты въ расчетъ лишь денежныя платы, которыя вообще ниже натуральныхъ и отработочныхъ. Во всякомъ случаѣ послѣ того арендныя цѣны на землю рѣзко увеличились. Въ Тверской, напримѣръ, губерніи уже въ серединѣ 90-хъ годовъ онѣ увеличились вдвое и втрое противъ цѣнъ во время статистическаго изслѣдованія. Въ Таврической губерніи средняя арендная плата съ 1889 по 1899 годъ поднялась съ 4,1 до 10,2 руб. за десятину, т.-е. на 154%. Въ Харьковской губерніи арендныя цѣны на землю, по сравненію съ цѣнами 80-хъ годовъ, почти утроились. Въ Херсонской губ. въ 1886 г. средняя плата была 5 руб. 65 к., въ 1898—1900 гг.—8 р. 57 к. и въ 1901—1905 гг.—11 руб. 04 к. [1]). Но если мы даже уменьшимъ исчисленную Карышевымъ цѣну и возьмемъ среднюю плату въ 5 руб. за десятину, то найдемъ, что въ серединѣ минувшаго 50-лѣтія крестьяне выплачивали ежегодно около 200 милл. руб. арендной платы въ годъ. Всего же за пореформенное время они уплатили, судя по этому, болѣе 10 милліардовъ рублей.

Дѣдушка и внучата.

Таковы оказались выгоды, которыя въ этой только формѣ помѣщики извлекли изъ своихъ земельныхъ капиталовъ,—вѣрнѣе сказать, изъ крестьянскаго малоземелья.

II.

Государственная власть имѣла, конечно, въ дальнѣйшемъ возможность, если не совсѣмъ распутать, то, по крайней мѣрѣ, ослабить земельную сѣть сплетенную при его содѣйствіи.

Ничего не сдѣлано до сихъ поръ и для упорядоченія арендныхъ отношеній, хотя ненормальный характеръ ихъ давно всѣмъ извѣстенъ. Даже явно ростовщическое употребленіе помѣщиками своихъ „земельныхъ капиталовъ“ не встрѣчало и не встрѣчаетъ со стороны государственной власти

[1]) См. А. А. Мануиловъ, «Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи»; «Переселенія крестьянъ въ Харьковской губ.», вып. II, Харьковъ, 1910 г.; Петръ Масловъ, «Аграрный вопросъ въ Россіи», т. II, Спб., 1908 г.

ни малѣйшаго противодѣйствія. И ни малѣйшей попытки ослабить арендную петлю, которая затягивалась все туже и туже, ею ни разу сдѣлано не было

Нельзя того же сказать относительно прямой борьбы съ малоземельемъ путемъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Въ этомъ направленіи за пятьдесятъ лѣтъ правительство оказалось вынужденнымъ сдѣлать цѣлый рядъ шаговъ, но всѣ они, хотя и становились съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе значительными, оказались не въ состояніи не только смягчить крестьянскую земельную нужду, но и предотвратить ея неуклонное нарастаніе. Объясняется это, съ одной стороны, несвоевременностью предпринимавшихся мѣръ, несомнѣнною ихъ запоздалостью, а съ другой—явнымъ несоотвѣтствіемъ ихъ со всѣмъ строемъ крестьянскаго хозяйства.

Въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій послѣ реформы правительство не только не содѣйствовало расширенію крестьянскаго землевладѣнія, но и прямо этому препятствовало. Съ особою наглядностью эта тенденція сказалась въ отношеніяхъ государственной власти къ переселеніямъ. Въ распоряженіи правительства имѣлся громадный и совершенно свободный земельный фондъ,—въ видѣ государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель. Предоставивъ крестьянамъ лишь часть земли, обрабатывавшейся ими при крѣпостномъ правѣ, правительство, казалось бы, должно было открыть имъ свободный выходъ на эти „вольныя земли“ Помимо крестьянскихъ интересовъ, этого требовали и общіе хозяйственные интересы страны, заселеніе которой отнюдь нельзя было считать завершившимся. Колонизаціонный процессъ, происходившій когда-то очень энергично, былъ сначала отклоненъ отъ естественнаго своего русла кочевниками, а затѣмъ и вовсе былъ затрудненъ крѣпостнымъ правомъ. Вольная колонизація была постепенно сведена на нѣтъ, ее смѣнила принудительная, происходившая въ самыхъ уродливыхъ формахъ и далеко не въ достаточныхъ размѣрахъ Съ переходомъ къ новому строю, основанному на свободныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, нужно было, конечно, прежде всего предоставить населенію возможность свободно размѣститься на территоріи. Этого, однако, сдѣлано не было, и даже „вольныя“ земли оказались подъ запретомъ.

Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ раньше продавали на свозъ или переселяли сами помѣщики, возможность легальныхъ переселеній была закрыта „Положеніями“ 1861 года. Въ послѣднихъ переселенія не только не были прямо предусмотрѣны, но и вообще выходъ крестьянъ изъ обществъ, къ которымъ они были приписаны, обставленъ былъ почти запретительными условіями. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1866 г., вмѣстѣ съ отводомъ постоянныхъ надѣловъ, были прекращены и переселенія государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, этотъ исконный и наиболѣе естественный путь расширенія трудового землепользованія за счетъ свободныхъ земель для всѣхъ крестьянъ оказался прегражденнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ

пріостановленъ колонизаціонный процесъ. Земледѣльческое населеніе оказалось болѣе „прикрѣпленнымъ къ землѣ“, чѣмъ это было во времена крѣпостного права.

Едва ли нужно даже говорить, что это произошло не случайно. „Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за освобожденіемъ крестьянъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ офиціальныхъ изданій послѣдняго времени,—какъ въ правительственныхъ кругахъ, такъ и въ широкихъ слояхъ помѣстнаго дворянства господствовало, по соображеніямъ экономическаго характера, рѣзко выраженное неблагопріятное для переселенческаго движенія настроеніе, вызвавшее даже рядъ репрессивныхъ по отношенію къ нему мѣропріятій“ [1]). Каковы были „соображенія экономическаго характера“, общія въ данномъ случаѣ для правительства и широкихъ слоевъ помѣстнаго дворянства, — это давно уже выяснено въ литературѣ. По свидѣтельству Ѳ. Г. Тернера, земледѣльческіе круги и высшія сферы общества „опасались, что увеличится трудность добывать рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потеряются и съемщики на предлагаемую въ аренду землю“. Такимъ образомъ интересы крестьянъ и возможность нормальнаго развитія хозяйственной жизни всей страны были и въ этомъ случаѣ принесены въ жертву помѣщикамъ, не желавшимъ лишиться „вѣрной статьи дохода“, какую представляло для нихъ крестьянское малоземелье.

На льдинѣ (Васнецова).

Отсутствіе легальнаго русла для переселеній не могло, конечно, вовсе остановить необходимый для жизни процессъ. Начались самовольныя переселенія, все увеличивавшіяся и получившія къ началу восьмидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ массовый характеръ. Крестьяне уходили на новыя мѣста по паспортамъ, какъ бы на заработки, нерѣдко тайкомъ. Какъ ни выслѣживала администрація, но вовсе предотвратить эти самовольныя пере-

---

[1]) «Современное положеніе переселенія и его нужды». Справка для членовъ Гос. Думы, составленная Переселенческимъ Управленіемъ. Спб. 1907 г.

селенія она была не въ силахъ. Правительство вынуждено было мириться съ водворепіемъ переселенцевъ на казенныхъ земляхъ и такъ или иначе регулировать ихъ положеніе. Само собой понятно, однако, что переселенческое движеніе, происходившее въ этихъ формахъ, было въ общемъ незначительно и ни въ малой мѣрѣ не могло ослабить малоземелья во внутренней Россіи.

Для расширенія крестьянскаго землевладѣнія оставался, однако, другой путь—покупка частновладѣльческихъ земель. Для этого имѣлась, казалось бы, полная возможность: достаточно сказать, что въ теченіе первыхъ двухъ десятилѣтій (съ 1863 по 1882 г.) на земельномъ рынкѣ обернулось свыше 50 милл. десятинъ. Однако крестьяне оказались въ состояніи пріобрѣсти изъ этого количества менѣе 6 милл. дес., при чемъ свыше 3 милл. дес. пріобрѣли отдѣльныя лица изъ ихъ среды и лишь $2^1/_2$ милл. дес. было куплено обществами и товариществами. Среди крестьянъ, пріобрѣвшихъ землю въ единоличную собственность, было не мало „новыхъ помѣщиковъ“ и кулаковъ. Что касается крестьянской массы, то за два десятилѣтія, какъ можно думать, она едва ли довела свою земельную площадь даже до тѣхъ размѣровъ, какіе послѣдняя имѣла при крѣпостномъ правѣ.

Нетрудно, конечно, понять, почему крестьянство такъ мало пріобрѣло земли въ этомъ періодѣ. Прежде всего ему психологически было трудно вступить на этотъ, далеко не подходящій для трудового земледѣлія, путь расширенія своего землепользованія. И крестьяне дѣйствительно, какъ мы знаемъ, во многихъ случаяхъ отказывались отъ посильныхъ даже для нихъ покупокъ, не переставая надѣяться, что земля перейдетъ къ нимъ инымъ путемъ, что будетъ объявлена „вторая воля“, на этотъ разъ уже не подложная, а настоящая. Главное же, у крестьянства не было денежныхъ рессурсовъ для того, чтобы сколько-нибудь значительно увеличить этимъ путемъ свою земельную площадь. Земельнаго же кредита почти не было: акціонерные банки, возникшіе въ 1872—1873 гг., только еще развивали свою дѣятельность и мало въ это время интересовались крестьянами; правительство же никакихъ мѣръ для содѣйствія послѣднимъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія земли не предпринимало.

На почвѣ быстро нараставшей нужды въ землѣ у крестьянъ, съ одной стороны, и отсутствія у нихъ необходимыхъ рессурсовъ, съ другой,—въ теченіе первыхъ же десятилѣтій успѣла широко развиться земельная спекуляція. Значительная часть земель была скуплена въ это время купцами и кулаками. Одни изъ нихъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ, бросо поднимали арендныя цѣны и такимъ образомъ сразу взвинчивали доходность пріобрѣтенныхъ земель. Другіе выжимали изъ имѣній все, что можно выжать: вырубали лѣса, выпахивали цѣлинныя земли и т. д., и потомъ перепродавали опустошенную землю крестьянамъ, а сами брались за

другія имѣнія. Не малую роль начали играть посредники и въ арендныхъ отношеніяхъ: снимая цѣлыя имѣнія и большіе участки, они пересдавали затѣмъ землю подесятинно крестьянамъ по значительно повышенной цѣнѣ. Даже земли, сдававшіяся въ аренду казною, благодаря посредникамъ, доходили до крестьянъ съ значительной надбавкой.

Это еще болѣе, конечно, обостряло крестьянское малоземелье, все усиливавшееся, благодаря приросту населенія. Правительство продолжало, однако относиться по меньшей мѣрѣ равнодушно къ этой, всѣми уже признанной и всесторонне выясненной нуждѣ. Лишь въ восьмидесятыхъ годахъ въ его отношеніяхъ къ крестьянскому малоземелью происходитъ переломъ. Для этого были, конечно, свои причины.

Съ одной стороны, какъ можно думать, произвело свое дѣйствіе революціонное движеніе 70-хъ годовъ. Хотя интеллигенція, не успѣвшая соединиться съ народомъ, была разбита наголову, но нетрудно было предвидѣть, что новая попытка съ ея стороны легко можетъ найти откликъ въ крестьянской массѣ. Этимъ, конечно, и объясняется рядъ мѣръ, задуманныхъ въ самомъ концѣ 70-хъ и осуществленныхъ въ первой половинѣ 80-хъ годовъ съ цѣлью облегчить положеніе крестьянъ.

Съ другой стороны, положеніемъ дѣлъ, создавшимся въ земельной сферѣ, не особенно было довольно и первенствующее сословіе. Не всѣ въ его средѣ оказывались въ силахъ удержать имѣвшуюся у нихъ землю, но реализовать „священное право“ на нее со всѣми возможными выгодами при данныхъ условіяхъ, они были не въ состояніи. Значительная часть этихъ выгодъ доставалась „чумазымъ“ посредникамъ. У многихъ при продажѣ земли сама собой являлась мысль: крестьяне больше бы дали, если бы у нихъ были деньги или кредитъ. При нѣкоторой склонности къ народолюбію, та же по существу мысль отливалась, конечно, въ болѣе нѣжную форму: пусть бы ужъ лучше крестьяне попользовались... Поэтому агитація противъ „чумазыхъ“ встрѣтила живой откликъ въ дворянской средѣ. Многіе помѣщики, продавая землю, считали своимъ долгомъ попытаться сойтись непосредственно съ крестьянами и лишь въ случаѣ неудачи соглашались продавать землю въ другія руки. Желаніе продать землю крестьянамъ являлось тѣмъ легче, что страхъ остаться безъ рабочихъ и съемщиковъ въ помѣщичьей средѣ къ этому времени, если не совсѣмъ, то въ значительной своей части разсѣялся: даже съ помѣщичьей точки зрѣнія во многихъ мѣстахъ имѣлось уже избыточное населеніе. Во всякомъ случаѣ расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія уже не встрѣчало со стороны дворянства прежняго противодѣйствія. Крайне характерно, что на путь содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земли первыми выступили нѣкоторыя земства. Не менѣе характерно, что созванные въ началѣ 80-хъ годовъ „свѣдущіе люди“ опредѣленно высказались за предоставленіе всѣмъ крестьянамъ права на переселеніе („съ тѣми лишь

ограниченіями, которыя не препятствовали бы правильному и свободному теченію жизни") и даже за „содѣйствіе" ему въ извѣстной его части.

Такъ или иначе, но въ 80-хъ годахъ правительство вступаетъ на путь „борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ" и съ теченіемъ времени заходитъ на этомъ пути все дальше.

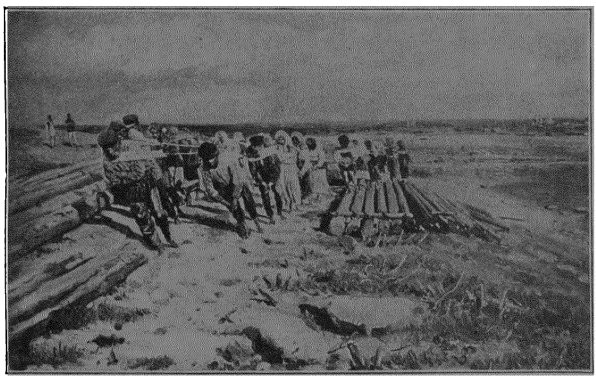
Съ одной стороны, постепенно и, въ концѣ-концовъ, почти радикально измѣняется отношеніе государственной власти къ переселеніямъ. Не воспроизводя здѣсь всѣхъ перипетій этой эволюціи, напомнимъ лишь общее направленіе, въ какомъ развивалась переселенческая политика: чуть-чуть пріоткрытая въ 1881 году дверь для выхода на „вольныя" земли, постепенно растворялась все больше и, наконецъ, въ 1906 году была распахнута настежь. Въ теченіе этого періода у правительства не разъ являлось желаніе опять прикрыть ее и даже совсѣмъ захлопнуть. Не разъ (въ 1892—1895 гг., въ 1897 г., въ 1900—1901 гг., въ 1904—1905 гг.) оно это и дѣлало, стѣсняя и даже пытаясь вовсе остановить подъ разными предлогами переселенческое движеніе. Послѣ „свободы", объявленной для переселеній въ 1906 году, и даже своего рода вызова къ переселеніямъ, сдѣланнаго въ началѣ 1907 г., правительство успѣло уже вернуться къ разрѣшительной системѣ, и новое пятидесятилѣтіе мы начнемъ съ привычнымъ дѣленіемъ переселенцевъ на „самовольныхъ" и „слѣдующихъ по установленнымъ документамъ". Но при всѣхъ этихъ отступленіяхъ, общее направленіе въ эволюціи переселенческой политики было, какъ уже указано, отъ запрета къ свободѣ. Соотвѣтственно съ этимъ и переселенческій потокъ, при нѣкоторыхъ колебаніяхъ, становился все шире и шире: въ 1885 г. переселенцевъ было 9 тыс. душъ обоего пола, въ 1900 г.—уже 166 тыс., а въ 1909 г., когда переселенческое движеніе достигло максимума,—665 тыс. душъ.

Ни разу, однако, даже въ 1909 г., переселенческое движеніе не поглотило прироста крестьянскаго населенія за тотъ же годъ. При тѣхъ размѣрахъ, какихъ достигла крестьянская земельная нужда въ Европейской Россіи, едва ли переселенія будутъ уже въ состояніи ослабить ее. Въ лучшемъ случаѣ они могутъ смягчить ее въ отдѣльныхъ небольшихъ мѣстностяхъ и нѣсколько замедлить общій темпъ ея нарастанія. Съ особою, быть-можетъ, наглядностью въ данномъ случаѣ сказалась запоздалость уступокъ, какія правительство сдѣлало требованіямъ жизни.

Въ 80-хъ же годахъ государственная власть измѣнила свое отношеніе къ покупкамъ крестьянами земли у частныхъ владѣльцевъ: отъ безразличнаго отношенія она перешла къ прямому содѣйствію имъ въ этомъ. Съ этою цѣлью въ 1883 году былъ учрежденъ крестьянскій банкъ, которому суждено было сыграть такую видную роль въ дальнѣйшемъ развитіи аграрныхъ отношеній.

Надо сказать, что на этотъ путь „содѣйствія" крестьянамъ правительство вступило съ большою осторожностью и, хотя обстоятельства заставляли его

время отъ времени ускорять движеніе, оно не разъ обнаруживало склонность замедлить его темпъ и даже вовсе остановиться. Первый уставъ банка заключалъ въ себѣ такія стѣснительныя условія для крестьянъ (между прочимъ, обязательныя доплаты и крайне высокій процентъ роста и погашенія), что покупка земли при его содѣйствіи далеко не для всѣхъ оказывалась возможной, а купленную землю, въ виду чрезмѣрности платежей, не всѣ могли удержать за собою. Къ этому присоединилась еще политика банка, который съ теченіемъ времени сталъ требовать все болѣе и болѣе высокихъ доплатъ и тѣмъ еще болѣе стѣснилъ крестьянъ. Операціи банка, и безъ того не особенно значительныя, стали быстро падать: цифра покупаемой при содѣй-



Бурлаки на Волгѣ (Маковскаго).

ствіи банка земли съ 318 тыс. дес. въ 1885 г., понижаясь изъ года въ годъ, упала въ 1892 году до 148 тыс. дес. Подъ вліяніемъ неурожаевъ 1891—1892 гг. и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, банкъ нѣсколько измѣнилъ свою политику, и операціи его опять нѣсколько расширились: въ 1896 г. цифра купленной крестьянами земли поднялась до 209 тыс. дес. Въ этомъ году банкъ получилъ новый уставъ, понизившій платежи и доплаты, и операціи его послѣ этого быстро возросли. Въ 1899—1903 гг. крестьяне покупали при его содѣйствіи уже по 700—800 тыс. десятинъ ежегодно (въ 1900 г. 817 тыс. — максимальная цифра до революціи). Обезпокоенное за судьбу помѣстнаго землевладѣнія, начавшаго такъ быстро таять, прави-

тельство въ 1904 г., подъ предлогомъ японской войны, существенно ограничило дѣятельность банка. Но вслѣдъ за тѣмъ, подъ давленіемъ революціи, вновь широко развило ее, усиливъ до чрезвычайныхъ размѣровъ покупку земель за счетъ банка, понизивъ платежи по ссудамъ (до $4^1/_2\%$) и отмѣнивъ во многихъ случаяхъ доплаты. Въ 1909 г. крестьянами было куплено отъ банка и при его содѣйствіи уже около 1.400 тыс. дес. Въ самое послѣднее время въ правящихъ кругахъ вновь оживаетъ тревога за судьбу помѣстнаго землевладѣнія, и поэтому возможна новая попытка ограничить правительственное содѣйствіе крестьянамъ въ покупкѣ земли.

Какъ бы то ни было, за вторую половину минувшаго пятидесятилѣтія и особенно въ послѣднія пятнадцать лѣтъ частновладѣльческія земли довольно быстро переходили въ крестьянскія руки. По даннымъ 1905 года крестьянамъ принадлежало уже $24^1/_2$ милл. дес., изъ нихъ болѣе $15^1/_2$ милл. дес. обществамъ, товариществамъ и мелкимъ собственникамъ (имѣющимъ менѣе 50 дес.). Послѣ того при посредствѣ только крестьянскаго банка крестьянами пріобрѣтено около 5 милл. дес. Такимъ образомъ, къ трудовому крестьянству перешло уже болѣе 20 милл. дес. частновладѣльческой земли...

Но это составляетъ лишь немного болѣе 16% отведенной ему надѣльной площади (124 милл. дес. въ 50 губ.). Даже усиленная покупка земли, какая происходила въ послѣднія десятилѣтія, оказалась не въ состояніи ослабить ростъ крестьянскаго малоземелья. Во всякомъ случаѣ до 1905 года, несмотря на всѣ мѣры „содѣйствія“ крестьянамъ, оно продолжало усиливаться. При этомъ съ полною наглядностью выяснилась невозможность вообще этимъ путемъ облегчить положеніе крестьянства.

Усиленное пріобрѣтеніе послѣднимъ земли вызвало, какъ оказалось, необычайный ростъ земельныхъ цѣнъ. Такъ, за землю, покупаемую при содѣйствіи крестьянскаго банка, крестьяне платили въ 1890 г.—36 руб., въ 1895 г.—52 руб., въ 1900 г.—82 руб., въ 1905 г.—111 руб. и въ 1909 г.—138 руб. за десятину. Чѣмъ льготнѣе дѣлался оказываемый крестьянамъ кредитъ, чѣмъ ниже становились платежи по ссудамъ и менѣе обременительными доплаты, тѣмъ все выше и выше поднимались земельныя цѣны. Всю выгоду отъ содѣйствія крестьянамъ получили, такимъ образомъ, помѣщики, для которыхъ открылась возможность продавать землю по неслыханнымъ дотолѣ цѣнамъ,—по цѣнамъ, находившимся внѣ всякой связи съ доходностью земли и всецѣло опредѣлявшимся, съ одной стороны, нуждой крестьянъ въ ней, а съ другой—тѣми условіями, на какихъ оказывало имъ кредитъ правительство. Что касается крестьянскаго населенія, то всѣ оказывавшіяся ему льготы нисколько не облегчали его положенія. Что земельныя условія, въ какихъ оно находилось, становились все тяжелѣе, ясно изъ слѣдующаго расчета:

	Средняя покупная цѣна за десятину.	Наименьшій платежъ со 100 руб.	Платежъ на 1 десятину.
Въ 1890 году	36 руб.	7 руб. 50 коп.	3 руб. 04 коп.
„ 1900 „	82 „	5 „ 25 „	4 „ 30 „
„ 1909 „	138 „	4 „ 50 „	6 „ 21 „

Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе высокими платежами обязывались крестьяне за пріобрѣтаемую землю, связывая при этомъ себя ими на многіе десятки лѣтъ.

Такимъ образомъ, земельная сѣть, въ которой въ теченіе полувѣка билось крестьянство, нисколько не ослабѣла, и теперь, при вступленіи въ новое пятидесятилѣтіе, она связываетъ и давитъ его, быть-можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

III

Между тѣмъ это была не единственная сѣть, опутывавшая крестьянство. При переходѣ къ новому строю была сплетена и другая: помимо косвенной зависимости, обусловленной недостаточностью надѣловъ и необходимостью въ силу этого только обратиться къ подневольному труду, на освобождаемаго крестьянина „Положеніями“ 1861 г. была возложена и прямая обязанность работать на помѣщиковъ. За каждый полный надѣлъ, какой получили крестьяне, они должны были работать на барина 40 мужскихъ (пѣшихъ или конныхъ) и 30 женскихъ дней въ году, или же платить ему денежный оброкъ отъ 8 до 12 руб. (смотря по мѣстности). Общіе размѣры этихъ повинностей, если всѣ ихъ привести къ денежному оброку, достигали, какъ можно думать, 70 милл. руб. [1]). Установлены онѣ были какъ бы за землю, отведенную крестьянамъ (32—33 милл. дес.), но въ дѣйствительности должны были, какъ извѣстно, возмѣстить помѣщикамъ и крѣпостной трудъ, которымъ они до того пользовались. Вполнѣ понятно поэтому, что эти повинности, постепенно преобразованныя въ выкупные платежи, оказались совершенно несоразмѣренными съ доходностью земли, и выкупная цѣна за послѣднюю, даже за всѣми скидками, оказалась значительно выше ея рыночной стоимости [2]).

[1]) Эту цифру можно опредѣлить только приблизительно. Всего (до 1 января 1906 г.) на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ было начислено выкупного долга 897 милл. руб., выкупная же ссуда выдавалась въ размѣрѣ отъ $^3/_4$ до $^4/_5$ капитализированнаго изъ 6% оброка. Если допустить, что выдано было $^4/_5$, то полная сумма капитализированнаго оброка составитъ 1.121 милл. руб., каковая могла получиться при общей суммѣ оброка не менѣе, какъ въ 67 милл. руб.; если же допустить, что было выдано $^3/_4$, то оброкъ равнялся 72 милл. руб.

[2]) По расчетамъ г. Лосицкаго отведенная крестьянамъ земля (32 $^1/_4$ милл. дес.) по рыночнымъ цѣнамъ 1854—1858 гг. стоила 543 милл. руб., а выкупная цѣна за нее опредѣлилась въ 867 милл. руб. или выше на 59%. Въ частности, выкупная цѣна оказалась, по этимъ расчетамъ, выше рыночной: въ западныхъ губерніяхъ (9 губ.)—на 8%, въ черноземныхъ (21 губ.)—на 56% и въ нечерноземныхъ (15 губ.)—на 121%. (Ал. Лосицкій, «Выкупная операція», Спб., 1906 г.).

Для государственныхъ крестьянъ по положенію 1866 г. не только была сохранена оброчная подать, взимавшаяся съ нихъ при прежнемъ порядкѣ, но и увеличена еще въ большинствѣ губерній. Вмѣстѣ съ лѣснымъ налогомъ они должны были вносить ежегодно свыше 35 милл. руб. Выкупные платежи съ удѣльныхъ крестьянъ назначены были въ суммѣ около 3 милл. руб.

Кромѣ этихъ платежей за землю, всѣ крестьяне, оставленные и послѣ реформы въ положеніи особаго „податного“ сословія, должны были платить еще подушную подать (около 45 милл. руб.). На нихъ же возложено было содержаніе всей низшей администраціи въ видѣ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго самоуправленія и низшей полиціи. Они же должны были отбывать натуральныя повинности (подводную, дорожную и т. д.). На нихъ же, наконецъ, легли главною своею тяжестью земскіе сборы.

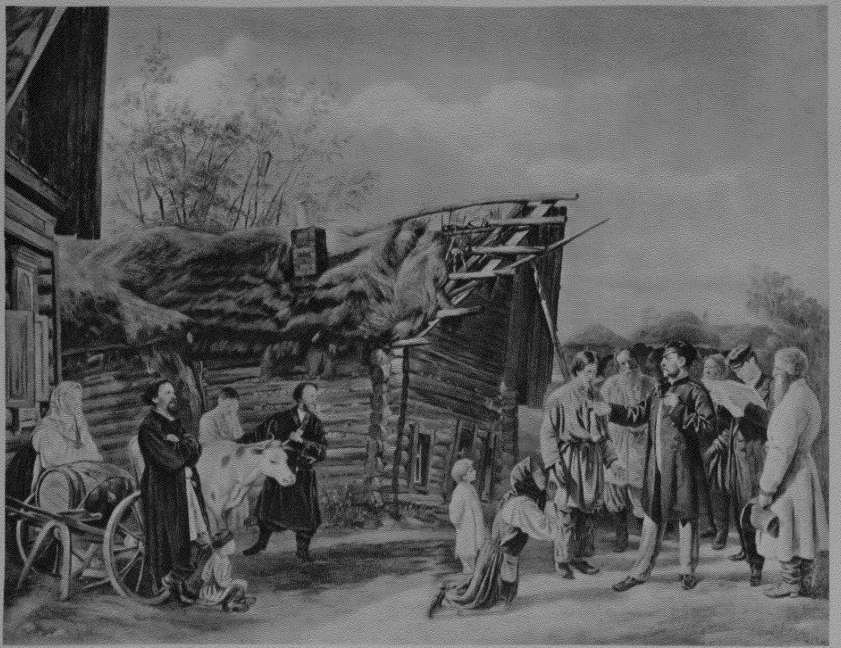
За отсутствіемъ другихъ объектовъ для обложенія, всѣ эти подати и повинности крестьяне разверстывали, по общему правилу, на надѣльную землю, но въ дѣйствительности они падали, конечно, на личный трудъ крестьянина, дѣлая неизбѣжнымъ его закабаленіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это обнаруживалось съ полною наглядностью. Такъ, въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ подати были особенно тяжелы, многіе крестьяне платили ихъ „спуста“, т.-е. вовсе не пользуясь надѣльной землей и добывая необходимыя средства продажей рабочей силы на сторону. Въ черноземныхъ губерніяхъ и вообще въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ главнымъ источникомъ явилась обработка помѣщичьихъ земель. Такимъ образомъ, кромѣ недостаточности надѣловъ, и непосильность податного бремени, возложеннаго на крестьянъ, сдѣлала неизбѣжнымъ обращеніе ихъ къ подневольному труду.

Тяжесть податей, лежавшихъ на крестьянахъ, усиливалась еще системой взиманія. Такъ, сроки для уплаты податей долго оставались совершенно несогласованными съ поступленіемъ доходовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и лишь въ 90-хъ годахъ на эту сторону податного дѣла было обращено, наконецъ, вниманіе. Способы для взысканія примѣнялись все время, съ одной стороны, совершенно разорительные, а съ другой—донельзя жестокіе. Широко практиковалось такъ называемое „выколачиваніе“ податей и недоимокъ,—буквальное выколачиваніе, такъ какъ, на ряду съ распродажей за безцѣнокъ крестьянскаго скота и домашней рухляди, широко практиковалось въ качествѣ мѣры понужденія противъ неисправныхъ плательщиковъ сѣченіе ихъ розгами. Такъ какъ подати взыскивались за круговою порукою, которая была отмѣнена лишь въ 1903 году, то подъ розги иногда клали крестьянъ цѣлыми деревнями. Волостныя правленія оказались для этого не менѣе подходящимъ мѣстомъ, чѣмъ въ свое время барскія конюшни.

Несмотря, однако, на всю энергію, какую проявляли власти, недоимки по прямымъ сборамъ все увеличивались, и непосильность податного бремени, взваленнаго на крестьянъ, дѣлалась все очевиднѣе. Къ концу 70-хъ годовъ

Взысканіе недоимокъ.

(Пукирева).



Рабочіе подъ дождемъ (Зиновьева).

правительство убѣдилось въ необходимости такъ или иначе облегчить это бремя, и въ теченіе 80-хъ годовъ, какъ уже было упомянуто, оно предприняло рядъ мѣръ съ этою цѣлью. Крестьяне, которые удерживались помѣщиками на оброкѣ и издѣльной повинности, были переведены на выкупъ, сдѣланный и для помѣщиковъ обязательнымъ. Было произведено общее (по 1 руб. съ души) и спеціальное (по отдѣльнымъ, наиболѣе обремененнымъ селеніямъ) пониженіе выкупныхъ платежей для бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ. Въ то же время была отмѣнена взимавшаяся съ податныхъ сословій подушная подать. Надо, впрочемъ, сказать, что для государственныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ считалось достаточно сноснымъ, отмѣна этой подати (19 милл. руб.) сопровождалась увеличеніемъ на ту же почти сумму (на 16 милл. руб.) ихъ оброчной подати, переименованной по этому случаю въ выкупные платежи (съ 1 янв. 1887 г.).

Всѣ принятыя мѣры оказались, однако, явно недостаточными, и это нетрудно было предвидѣть. За всѣми пониженіями крестьяне должны были платить за свою надѣльную землю (окладъ 1891 г.):

Казенныхъ сборовъ	102,5	милл.	руб.
Земскихъ „	21,2	„	„
Мірскихъ „	22,8	„	„
Страховыхъ „	13,1	„	„
Итого	159,6	милл.	руб.

что составляло въ среднемъ 1 р. 33 коп. на десятину. Частные же владѣльцы платили въ это время казенныхъ и земскихъ сборовъ менѣе 19 милл. руб., или около 20 коп. съ десятины. Такимъ образомъ, надѣльныя земли, не считая даже натуральныхъ повинностей, оставались обложенными въ $6^1/_2$ разъ тяжелѣе, чѣмъ частновладѣльческія.

Недоимки продолжали увеличиваться. Особенно быстро нарастали недоимки по выкупнымъ платежамъ, которыя на 1 января 1893 г., послѣ двухъ неурожайныхъ лѣтъ, превышали уже 90 милл. руб. и составляли 93% оклада. По нѣкоторымъ губерніямъ (Самарской, Оренбургской, Уфимской, Казанской, Нижегородской, Симбирской, Пензенской) онѣ превосходили окладъ въ 2—4 раза.

Въ теченіе 90-хъ годовъ правительство приняло рядъ новыхъ податныхъ мѣръ. Въ 1896 г., по случаю коронаціи, государственный поземельный налогъ былъ уменьшенъ вдвое. Кромѣ того, были приняты мѣры къ отсрочкѣ и разсрочкѣ выкупныхъ недоимокъ и къ пересрочкѣ выкупного долга. Результаты оказались, однако, ничтожными, и податное бремя крестьянъ въ теченіе этого десятилѣтія еще увеличилось. Правда, казенные сборы нѣсколько уменьшились (на 4,7 милл. руб. къ 1899 г.), но зато увеличились земскіе (на 6,7 милл. руб.) и особенно мірскіе (на 21,6 милл. руб.), обнаружившіе необычайно быстрый ростъ послѣ введенія института земскихъ начальниковъ. Весь окладъ прямыхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель равнялся въ 1899 году уже 184 милл. руб. и составлялъ 1 р. 51 коп. на десятину. Сборы съ частновладѣльческихъ земель за то же время, за скидкою половины государственнаго поземельнаго сбора, увеличились лишь на полмилліона и попрежнему составляли около 20 коп. на десятину.

Крестьянскія недоимки продолжали расти. Къ 1 января 1901 года по выкупнымъ только платежамъ онѣ превышали уже 120 милл. руб. и составляли 124% оклада. Въ 900-хъ годахъ было недобрано выкупныхъ платежей еще около 80 милл. руб., въ одномъ 1905 г.—свыше 40 милл. руб. Лишь послѣ этого, подъ непосредственнымъ давленіемъ „неслыханной смуты“, манифестомъ 3 ноября 1905 г. выкупные платежи были отмѣнены (для 1906 г. въ одной ихъ половинѣ, а съ 1907 г.—совсѣмъ).

Подведя итоги, мы найдемъ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне за отведенную имъ землю внесли выкупныхъ платежей свыше 1.500 милл. руб., бывшіе государственные крестьяне (считая съ 1887 г.)—свыше 900 милл. и бывшіе удѣльные—около 100 милл. руб. Такимъ образомъ, надѣльная земля обошлась крестьянамъ свыше $2^1/_2$ милліардовъ, не считая тѣхъ суммъ, какія бывшіе владѣльческіе крестьяне уплатили помѣщикамъ путемъ издѣльной и денежной повинности, на которой они оставались до выхода на выкупъ,

и не считая оброчной подати, какую до 1887 г. бывшіе государственные крестьяне платили въ казну [1]).

Какъ бы то ни было, податная петля, особенно сильно давившая крестьянъ въ теченіе всего пореформеннаго времени, теперь порвана. . Но пока она перетиралась, успѣли затянуться другія податныя петли.

Прежде всего за это время успѣли, какъ уже упоминалось, сильно вырасти земскіе и мірскіе платежи. Кромѣ того, въ 1906 г. прекратилась данная по случаю коронаціи льгота, и государственный поземельный налогъ увеличился вдвое. Общая сумма окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель теперь, несомнѣнно, уже превышаетъ 100 милл. руб. Если же имѣть въ виду всѣ вообще земли, какія удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ крестьянству, то необходимо отмѣтить еще одну податную петлю, которая все больше и больше затягивается. Это — банковскіе платежи. Въ 1905 г. они достигали 25 милл. руб. Послѣ того, за время особенно усиленной покупки земли крестьянами и притомъ по особенно высокимъ цѣнамъ, они значительно возросли. Такъ какъ крестьянскій банкъ прекратилъ публикацію своихъ денежныхъ отчетовъ, то точная цифра ихъ неизвѣстна. Приблизительные же расчеты даютъ право думать, что банковскіе платежи достигаютъ уже 40 милл. руб. Нетрудно предвидѣть, что эти новые выкупные платежи, какими все больше и больше опутывается крестьянство, сыграютъ въ его жизни ту же роль, что и прежніе. Какъ бы то ни было, вступая въ новое пятидесятилѣтіе, крестьяне имѣютъ на своихъ плечахъ около 150 милл. руб. прямыхъ сборовъ, т.-е. столько же, сколько на нихъ лежало къ началу 90-хъ годовъ, которые ознаменовались, какъ извѣстно, голодовками.

Между тѣмъ прямые сборы составляютъ теперь далеко не главную тяжесть налоговаго бремени, какое лежитъ на крестьянскомъ населеніи. Несравненно большее значеніе имѣетъ теперь общій размѣръ государственнаго бюджета, который у насъ приходится выносить на своихъ плечахъ, главнымъ образомъ, трудящимся классамъ и прежде всего крестьянству. Какъ сильно увеличилось это бремя за пятьдесятъ лѣтъ, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ о поступленіи обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ:

Въ 1860 году ихъ поступило	386,9	милл.	руб.
„ 1870 „ „ „	480,6	„	„
„ 1880 „ „ „	652,4	„	„
„ 1890 „ „ „	943,7	„	„
„ 1900 „ „ „	1.704,1	„	„
„ 1910 „ „ ожидалось	2.580,1	„	„

[1]) Выводъ быв. помѣщичьихъ крестьянъ на выкупъ затянулся, какъ извѣстно, на долгіе годы. Черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія, къ 1 января 1881 года, одна шестая бывшихъ крѣпостныхъ еще оставалась во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, т.-е. платила имъ оброкъ или отбывала барщину. Всего быв. помѣщичьи крестьяне, какъ можно думать, уплатили въ этой формѣ за надѣльную землю свыше 500 милл. руб. Быв. государственные крестьяне до выхода на выкупъ внесли оброчной подати, считая съ 1861 г., около 900 милл. руб.

Такимъ образомъ общее количество денежныхъ рессурсовъ, ежегодно вносимыхъ въ казну населеніемъ, увеличилось за это время въ $6^1/_2$ разъ, при чемъ въ первое десятилѣтіе оно увеличивалось ежегодно на 9 милл. руб., во второе—на 17 милл., въ третье—на 29 милл., въ четвертое—на 76 милл и въ пятое—на 88 милл. руб. Особенно быстро, какъ видно изъ этихъ данныхъ, оно стало нарастать съ 90-хъ годовъ,—съ тѣхъ поръ, какъ правительство, не полагаясь особенно на старую систему выколачиванія податей и пользуясь развитіемъ мѣновыхъ отношеній въ странѣ, широко расположилось сначала съ фискомъ, а потомъ съ своимъ „хозяйствомъ“ на большой дорогѣ, по которой происходитъ передвиженіе цѣнностей, и такимъ образомъ получило возможность распоряжаться значительной долей ихъ.

Не всѣ, конечно, доходы получаются путемъ налоговъ. Видную долю ихъ, какъ извѣстно, даютъ правительственныя регаліи и казенные имущества и капиталы. Несомнѣнно однако, что и эти доходы приходится принимать въ расчетъ, когда мы хотимъ уяснить себѣ тяжесть бремени, лежащаго на населеніи,—тѣмъ болѣе, что указанное дѣленіе доходовъ во многихъ случаяхъ условно. Напримѣръ, гербовая марка относится къ числу налоговыхъ средствъ, а почтовая—цѣликомъ къ регаліямъ. Или: изъ платы, взимаемой съ пассажировъ за проѣздъ по жел. дорогамъ, 15% считаются пошлиной, а остальные 85% показываются, какъ доходъ отъ казеннаго имущества... Но возьмемъ налоги лишь въ тѣсномъ смыслѣ. Считая въ числѣ ихъ прямые и косвенные налоги, пошлины, выкупные платежи и чистую выручку отъ монополіи (замѣнившую къ 1909 г. прежній акцизъ), мы получимъ такія цифры:

Годы.	Населеніе въ милліон.	Налоги въ милліон. руб.	На одну душу.
1889	111	715,2	6 р. 44 коп.
1899	130	1.016,3	7 „ 82 „
1909	155	1.403,6	9 „ 06 „

Быстрое нарастаніе общаго налоговаго бремени за послѣднія десятилѣтія, т.-е. послѣ того, какъ прямые налоги съ крестьянъ были уменьшены, и въ этомъ расчетѣ обнаруживается съ полною наглядностью.

Трудно, конечно, сказать, какую часть общей налоговой тяжести приходилось и приходится нести крестьянамъ. Попытки вычислить это предпринимались неоднократно. Между прочимъ, нѣсколько такихъ расчетовъ, относящихся къ началу 900-хъ годовъ, можно найти въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Такъ, по расчетамъ 18 земскихъ дѣятелей Московской губерніи, общая тяжесть всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, которые несетъ на себѣ средняя крестьянская семья, опредѣлялась суммою около 70 руб., изъ нихъ одну треть составляли прямые налоги и двѣ трети косвенные. По расчетамъ Балашовскаго комитета

(Саратовской губ.), на крестьянскій дворъ приходилось 114 руб 35 коп прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, считая въ числѣ послѣднихъ лишь пять важнѣйшихъ; при этомъ прямые налоги составляли 40% и косвенные 60%. По расчетамъ Корочанскаго комитета (Курской губ.), на каждую десятину крестьянской земли только казенныхъ налоговъ, считая главнѣйшіе косвенные, падало 5 р. 50 коп., или въ среднемъ до 50 руб. на дворъ [1]). Судя по этимъ расчетамъ, на душу крестьянскаго населенія приходилось не меньше налоговъ, чѣмъ въ среднемъ по Россіи.

Градъ выпалъ (съ натуры)

Можно, однако, думать, что всѣ такіе расчеты, по необходимости очень приблизительные, грѣшатъ еще и тѣмъ, что не вполнѣ охватываютъ налоговое бремя, падающее на крестьянское населеніе. Въ нихъ учитываются обыкновенно лишь важнѣйшіе изъ косвенныхъ налоговъ и притомъ въ тѣхъ лишь доляхъ, въ какихъ они непосредственно падаютъ на продукты крестьянскаго потребленія. Что касается другихъ налоговъ и, въ особенности, въ тѣхъ доляхъ, которыя доходятъ до крестьянъ путемъ переложенія ихъ другими классами, то они вовсе не поддаются учету [2]).

[1]) См. Н. Анненскій, «Общія теченія финансовой политики государства» въ сбор. «Нужды деревни», т. II СПБ., 1904 г.

[2]) Напримѣръ, Балашовскій комитетъ, давъ свой расчетъ, счелъ необходимымъ отмѣтить, что имъ «не принятъ во вниманіе цѣлый рядъ налоговъ, какъ, наприм., государствен-

Не пытаясь поэтому дать отвѣтъ на поставленный вопросъ въ цифрахъ, напомнимъ лишь общій характеръ нашего государственнаго бюджета и возлагаемаго имъ на населеніе налоговаго бремени. Главную тяжесть послѣдняго, какъ уже сказано, приходилось и приходится выносить на своихъ плечахъ трудящимся классамъ. И въ этомъ нетрудно убѣдиться.

Говоря выше о прямыхъ сборахъ съ земель, мы уже отмѣтили, что надѣльныя земли были обложены все время значительно выше частновладѣльческихъ. Теперь, съ отмѣной выкупныхъ платежей, эта разница нѣсколько сгладилась, но и за всѣмъ тѣмъ она остается очень значительной. На крестьянскихъ земляхъ продолжаетъ лежать вся тяжесть мірскихъ расходовъ, сильно возросшихъ. Кромѣ того, раскладка земскихъ сборовъ и государственнаго поземельнаго налога, какъ давно уже установлено, производится земствами очень неравномѣрно и крестьянскія земли оказываются обыкновенно значительно выше обложенными, чѣмъ частновладѣльческія. Если принять это во вниманіе, а также то, что крестьянамъ приходится еще отбывать натуральныя повинности, то ясно будетъ, насколько неравномѣрнымъ и теперь еще остается земельное обложеніе. Что касается другихъ прямыхъ налоговъ, то въ большей своей части они таковы, что сравнительно легко поддаются переложенію.

Но прямые налоги въ государственномъ бюджетѣ играли и играютъ сравнительно незначительную роль. Это ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	1889 г.	1899 г.	1909 г.
	Въ милліонахъ рублей.		
Прямые налоги и вык. платежи	183,7	216,8	199,5
Косвенные налоги	473,2	703,5	1.052 3
Пошлины	58 2	96,0	151.7
Всего налоговъ	715.2	1.016,3	1.403,6
Итогъ обыкновенныхъ доходовъ	927,0	1.584,8	2.526,3

Первое мѣсто (66—74%) въ ряду налоговъ принадлежало и принадлежитъ косвеннымъ. Главнымъ же объектомъ для послѣднихъ являлись и являются такіе предметы массоваго, а стало-быть, и крестьянскаго, потребленія, какъ водка, сахаръ, табакъ, керосинъ, спички (въ болѣе ранніе годы еще соль). Въ 1899 г. эти налоги дали 777 милл. руб. Остальная часть косвенныхъ налоговъ была получена въ видѣ таможенныхъ пошлинъ.

Относительно этихъ послѣднихъ существовало и существуетъ мнѣніе, что онѣ падаютъ на болѣе состоятельные классы. „Значительная часть при-

---

ный промысловый налогъ: хотя этотъ налогъ и падаетъ на торгово-промышленный классъ, однако въ значительной своей части онъ перелагается и на потребителей, а слѣдовательно, на крестьянъ; въ уплатѣ различныхъ пошлинъ (гербовыхъ, судебныхъ и т. д.) крестьянинъ тоже принимаетъ участіе; вноситъ крестьянинъ и свою долю пассажирскаго налога и т. д.

возимыхъ изъ-за границы товаровъ,—писалъ, напр., министръ финансовъ въ 1880 г.,—служитъ для потребленія болѣе достаточныхъ классовъ, которые во всякомъ случаѣ могутъ съ большею легкостью перенести надбавку въ цѣнахъ на товары". Опровергая это мнѣніе, проф. Соболевъ, подвергшій тщательному изученію таможенную политику за вторую половину XIX вѣка, пишетъ: „Въ таможенныхъ доходахъ Россіи главная роль принадлежитъ именно пошлинамъ за предметы широкаго народнаго потребленія; въ этомъ отношеніи русская таможенная система вполнѣ отвѣчаетъ общему духу государственнаго бюджета, ложащагося главнымъ бременемъ косвенныхъ налоговъ на плечи малосостоятельныхъ классовъ народа" [1]). Въ прежніе годы, когда таможенный тарифъ носилъ почти исключительно фискальный характеръ, это бросалось въ глаза съ бьющею яркостью. Нерѣдко совершенно однородные товары облагались разною пошлиною: болѣе высокою тѣ, которые идутъ для широкихъ слоевъ населенія, и болѣе низкою тѣ, которые потребляются имущими классами. Напр., по даннымъ 1869 г.: устрицы были обложены 13,7%, а соль — 75,3%, ваниль и шафранъ — 2,2%, а сахаръ-рафинадъ — 65% и т. д. Теперь, когда таможенный тарифъ имѣетъ не только фискальный, но и протекціонный характеръ, эта бьющая въ глаза яркость основной его тенденціи потускнѣла.

Во всякомъ случаѣ и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ таможенныя пошлины служатъ той же цѣли: главную часть таможенныхъ доходовъ даютъ предметы массоваго потребленія (чай, хлопокъ и т. д.). Три задачи ставила передъ собою таможенная политика въ теченіе пятидесяти лѣтъ, а именно: покровительство отечественной промышленности, созданіе благопріятнаго торговаго баланса и извлеченіе наивысшаго дохода путемъ обложенія иностранныхъ товаровъ, и лишь эта послѣдняя, говоритъ г. Соболевъ въ концѣ своего изслѣдованія, „была блестяще осуществлена при величайшемъ напряженіи платежныхъ силъ народной массы".

Въ теченіе пореформеннаго времени таможенный тарифъ неоднократно мѣнялся. Наиболѣе льготнымъ онъ былъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, когда таможенныя пошлины составляли около 12% цѣнности ввозившихся товаровъ и давали казнѣ 50—70 милл. руб. Эволюція таможенной политики въ дальнѣйшіе годы видна изъ слѣдующихъ данныхъ:

---

[1]) М. Н. Соболевъ, «Таможенная политика Россіи во второй половинѣ XIX вѣка», Томскъ, 1911 г.

Годы.	Пошлина въ %%%.	Таможенный доходъ въ милл. рублей.
1879	17,0	93,2
1889	28,6	138,3
1899	34,1	219,3
1909	30,5	274,3

Такимъ образомъ, и эта податная петля съ теченіемъ времени затягивалась все туже и туже. Особенно рѣзкій скачокъ таможенное обложеніе сдѣлало въ 80-е годы,—въ эту реакціонную эпоху, когда правительство, подъ давленіемъ революціонной вспышки предыдущаго десятилѣтія, ослабляло видимую для всѣхъ петлю прямыхъ податей, которая душила крестьянство, и въ то же время изо всѣхъ силъ затягивало менѣе замѣтную петлю косвенныхъ и другихъ общихъ налоговъ, которая еще больше сдавила трудовые классы.

То же происходитъ и теперь. Отмѣна выкупныхъ платежей давно уже съ лихвой возмѣщена увеличеніемъ общаго налоговаго бремени. Какъ быстро растетъ послѣднее въ послѣдніе годы, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1890 г. обыкновенные доходы дали казнѣ 1.704 милл. руб., въ 1905 г.—2.025 милл., а въ 1910 г. ихъ ожидалось (въ дѣйствительности поступило больше)—2.580 милл. руб.; такимъ образомъ въ первую половину этого десятилѣтія они увеличивались ежегодно на 64 милл. руб., а во вторую—на 111 милл. руб., т.-е. въ пореволюціонное время росли почти вдвое быстрѣе, чѣмъ въ предреволюціонное.

IV.

Съ подагною сѣтью въ пореформенное время была тѣсно переплетена еще одна большая сѣть, все больше и больше опутывавшая земледѣльческое населеніе. Въ основныхъ своихъ частяхъ она сплетена въ сущности уже давно и давно въ народное море заброшена. Но опутать крестьянство, пока послѣднее продолжало вести натуральное хозяйство, эта сѣть была не въ состояніи. Въ пореформенное время она была значительно усовершенствована; главное же крестьянство постепенно вышло на большую мѣновую дорогу, гдѣ она была разставлена, и неизбѣжно должно было въ нее попасться.

Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному обусловленъ, конечно, цѣлымъ рядомъ причинъ и при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ является неизбѣжнымъ. Не лишне будетъ, однако, отмѣтить, что для русскаго крестьянства онъ былъ въ значительной мѣрѣ обусловленъ и крайне обостренъ податною политикою. „Для выполненія обязанностей передъ прави-

тельствомъ и помѣщикомъ", какія были возложены на освобожденное отъ крѣпостной зависимости населеніе, необходимы были значительные денежные рессурсы. Для полученія ихъ крестьяне волей-неволей должны были обратиться къ продажѣ, съ одной стороны, труда, который нельзя было использовать въ своемъ хозяйствѣ, а съ другой стороны—продуктовъ, которыхъ часто не хватало для собственнаго потребленія. Само собой понятно, что мѣновыя отношенія получили при такихъ условіяхъ вынужденный для крестьянъ характеръ. Не только какъ рабочіе, продающіе свою силу, но и какъ хозяева, продающіе свои продукты, они неизбѣжно должны были оказаться въ ка-

На пожарищѣ (Яковлева).

бальной зависимости у тѣхъ, кто имѣлъ свободныя деньги или могъ достать ихъ на болѣе льготныхъ, чѣмъ сами крестьяне, условіяхъ.

Съ первыхъ же лѣтъ установился и до сихъ поръ удержался такой порядокъ: немедленно вслѣдъ за уборкой урожая начинается усиленное взысканіе съ крестьянъ долговъ, податей и недоимокъ. Всѣ, и власти въ томъ числѣ, несомнѣнно, боялись и боятся, что крестьяне сами съѣдятъ все, что они добыли. Въ глухую осеннюю пору достать денегъ негдѣ, какъ только у скупщика. И вотъ къ базарамъ, пристанямъ, станціямъ желѣзныхъ дорогъ тянутся обозы съ крестьянскимъ хлѣбомъ. Послѣднимъ переполняются амбары скупщиковъ, на станціяхъ образуются залежи, желѣзныя дороги долго не въ состояніи справиться съ этой массой предъявленныхъ къ перевозкѣ

грузовъ. Вообще вслѣдъ за урожаемъ начинается общее движеніе, всѣ сгруживаются къ крестьянскому хлѣбу: усиленно работаютъ власти, усиленно работаютъ мелкіе скупщики и крупные коммерсанты, усиленно работаютъ желѣзныя дороги и судовладѣльцы, усиленно работаютъ экспортныя конторы и коммерческіе банки,—и всѣ, конечно, зарабатываютъ. Эта картина, тщательно изученная 20 лѣтъ тому назадъ Николаемъ—ономъ, является характерной для всего пореформеннаго времени. Если она мѣнялась, то только въ деталяхъ.

Для того, чтобы всѣ могли около крестьянскаго хлѣба хорошо заработать, нужна, конечно, значительная разница между цѣной, какую получитъ за этотъ хлѣбъ мужикъ, и цѣною, какая будетъ выручена потомъ за него на міровомъ рынкѣ. Достигнуть этого при наличности крестьянской нужды нетрудно. Мужикъ, которому деньги нужны во что бы то ни стало, легко поступается не только рентой, которую онъ долженъ былъ бы имѣть какъ землевладѣлецъ, и не только прибылью, которую онъ долженъ былъ бы получать, какъ предприниматель, но и частью заработной платы, которая ему причитается, какъ рабочему.

Какое значеніе въ пониженіи цѣнъ имѣетъ крестьянская нужда, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ (Пермской губ.) крестьяне, засѣвающіе до 5 дес., продавали въ годъ изслѣдованія рожь по 68 коп. за пудъ, засѣвающіе отъ 5 до 15 дес.—по 74 коп. и засѣвающіе свыше 15 дес.—по 79 коп. Въ Козельскомъ уѣздѣ (Калужской губ.) сѣющіе менѣе 3 дес. продавали овесъ по 33 коп. за пудъ, сѣющіе отъ 3 до 9 дес.—по 40 коп., сѣющіе свыше 9 дес.—по 43 коп.

Кромѣ разницы въ цѣнахъ, заработокъ скупщикамъ, а подчасъ и болѣе крупнымъ посредникамъ даютъ также обмѣриваніе, обвѣшиваніе, подмѣсь къ хлѣбу всякихъ суррогатовъ и тому подобныя, чисто мошенническія продѣлки, которыми такъ богата торговля сельско-хозяйственными продуктами въ Россіи.

Изъ тѣхъ, кого урожай приводитъ въ движеніе, правительство, не менѣе другихъ безпокоящееся обыкновенно о скорѣйшей реализаціи крестьянскаго хлѣба, нисколько, конечно, не заинтересовано въ его обезцѣненіи и порчѣ. Напротивъ, въ интересахъ того же фиска крайне важно было бы, чтобы крестьяне получали за свои произведенія возможно высшую цѣну. Агитація противъ хлѣбныхъ спекулянтовъ, какъ и противъ земельныхъ, не разъ встрѣчала поэтому сочувственный откликъ въ правящихъ сферахъ,—тѣмъ болѣе, что и эти спекулянты въ значительной ихъ части имѣли „чумазый“ видъ. Борьба съ ними тѣмъ болѣе представлялась заманчивой, что, ведя ее, можно было передъ всѣми засвидѣтельствовать общность крестьянскихъ и помѣщичьихъ интересовъ и во имя ея сдѣлать не мало для поддержки послѣднихъ. Не разъ поэтому поднимался и ставился на очередь вопросъ объ упорядо-

ченіи хлѣбной торговли, въ неустройствѣ и безобразіяхъ которой правя щ е круги нерѣдко готовы были видѣть все зло народной жизни. Выдвигал ь впередъ то одна, то другая задача: то вопросъ объ элеваторахъ и зерн - хранилищахъ, то вопросъ о хлѣбномъ кредитѣ, то вопросъ объ инт нд пт- скихъ закупкахъ непосредственно у землевладѣльцевъ, то вопр съ о з л х то вопросъ о порчѣ хлѣба въ портахъ и о контролѣ за экспортомъ, т дру- гіе, подчасъ совсѣмъ маленькіе, вопросы. Нерѣдко, однако, тотъ или ин изъ нихъ такъ выпячивался, что заслонялъ собою и крестьянск е м л -

Конокрадъ (Акимова).

земелье, и непосильность податного бремени, и цѣлый рядъ другихъ вопро- совъ первостепенной важности. Ничего однако, что могло бы упрочить по- ложеніе крестьянъ на хлѣбномъ рынкѣ, не сдѣлано. Помѣщики на свою долю получили не мало, и по части кредита, напримѣръ, они такъ хорошо теперь обставлены, что могутъ, какъ показали послѣдніе годы, взявъ ссуду подъ хлѣбъ, который остается у нихъ же въ амбарахъ, отложить всякое по- печеніе о его продажѣ. Огражденіе же крестьянскихъ торговыхъ интересовъ дальше преслѣдованія мелкихъ скупщиковъ не пошло.

Теперь вопросъ объ упорядоченіи хлѣбной торговли вновь выдвигается на очередь. Ведутся даже какіе-то переговоры съ американцами, чтобы тѣ

взяли организацію ея въ свои руки или, по крайней мѣрѣ, снабдили ее своимп капиталами. Нечего, конечно, и говорить, что никакая организація, построенная па капиталистическихъ началахъ, не предупредитъ хлѣбной спекуляціи, какъ и крестьянскій банкъ не предупредилъ земельной. Какъ и этотъ послѣдній, дешевый кредитъ ее, вѣроятно, еще усилитъ. Въ основѣ какъ земельной, такъ и хлѣбной спекуляціи лежитъ одна и та же крестьянская нужда,—и, пока она остается, всѣ, у кого есть деньги, будутъ грѣть около нея руки.

Нужда же эта такова: отвезенный къ скупщикамъ хлѣбъ понемногу начинаетъ опять возвращаться къ крестьянамъ. Одна за другой отправляются крестьянскія подводы на базаръ, чтобы привезти хотя одинъ-другой мѣшокъ изъ того, что было свезено раньше. Нерѣдко даже такъ происходитъ, что одни еще продолжаютъ продавать, а другіе уже покупаютъ,—и покупаютъ, конечно, по болѣе высокимъ цѣнамъ. Русскимъ статистикамъ такъ и приходится регистрировать: отдѣльно „продажныя“ цѣны на продукты сельскаго хозяйства и отдѣльно „покупныя“,—или: „базарныя“ и „лавочныя“ Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, благодаря какимъ либо особенностямъ въ міровой конъюнктурѣ. когда обнаруживается значительное паденіе цѣнъ къ веснѣ, покупныя цѣны оказываются для крестьянъ, да и то обыкновенно не для всѣхъ, ниже продажныхъ. Какъ общее же правило, первыя всегда бываютъ значительно выше послѣднихъ.

Какое значеніе имѣетъ и въ этомъ случаѣ крестьянская, въ частности земельная, нужда, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Покупали рожь по цѣнѣ за пудъ въ коп.	
	Красноуф. у.	Козельск. у.
Малосѣющія хозяйства	72	57
Средніе „	71	51
Многосѣющіе „	66	47

Не у всѣхъ, однако, крестьянъ находятся деньги на покупку хлѣба. Въ такихъ случаяхъ приходилось и приходится обращаться къ кулакамъ, кредитоваться у нихъ подъ будущій урожай, уплачивая имъ при этомъ не только всю разницу между „покупными“ и „продажными“ цѣнами, но и ростовщическіе проценты. Имѣется и другой выходъ, который такъ же широко практиковался во многихъ мѣстностяхъ: это— запродажа еще зимой и даже осенью труда помѣщику и, конечно, по значительно пониженной цѣнѣ сравнительно съ той, какая бываетъ лѣтомъ. Зимняя наемка, на ряду съ отработками за пастбища и другія угодья, служила и служитъ наиболѣе дешевымъ способомъ полученія рабочихъ рукъ для помѣщичьяго хозяйства. Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ послѣднее, главнымъ образомъ, базировалось на такомъ наймѣ. Здѣсь все время широко былъ распространенъ издѣльный наемъ „кругами“ (т.-е. на обработку и уборку десятины

во всѣхъ трехъ поляхъ или „круга“). „Наемъ этотъ производится,—говоритъ г. Анненскій,—всегда заранѣе, за годъ, иногда за два, съ выдачею задатковъ, иногда полной платы впередъ. Взявшій въ обработку десятину долженъ вспахать землю два или три раза, заборонить, посѣять, задѣлать сѣмена, убрать и перевезти на гумно, иногда вывезти навозъ... За полную обработку десятины платится отъ 5 до 7 руб.“ [1]). При выполненіи тѣхъ же работъ по вольному найму онѣ обходятся обыкновенно значительно дороже. Въ другихъ мѣстностяхъ кредитъ подъ работу отливался въ другія формы, но всегда велъ, конечно, къ обезцѣненію крестьянскаго труда.

Продажа же послѣдняго была неизбѣжна, такъ какъ иначе нечѣмъ было платить подати и даже прокормиться. Недостатокъ работы на мѣстѣ заставлялъ итти на сторону — въ города, или же въ степныя губерніи, въ которыхъ мѣстныхъ рабочихъ не хватало и которыя пользовались и до сихъ еще поръ пользуются пришлыми, главнымъ образомъ, изъ центральныхъ губерній. Эта необходимость искать работы на сторонѣ изъ году въ годъ все увеличивалась. Какъ быстро росла эта необходимость, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ о числѣ паспортовъ, выданныхъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи.

Годы.	Выдано паспортовъ въ тысячахъ. Всего.	Въ среднемъ за годъ.
1861—1870	12.913	1.291
1871—1880	36.929	3.629
1881—1890	49.466	4.947
1891—1900	71.366	7.137

Продажа рабочей силы въ видѣ отхода на сторону иногда также отливалась въ откровенно кабальную форму. Подрядчики и уполномоченные отъ крупныхъ экономій являлись въ мѣста отхода зимой или ранней весной, когда крестьянская нужда въ хлѣбѣ и деньгахъ особенно велика, и здѣсь нанимали рабочихъ, связывая ихъ задатками и даже отбирая заранѣе отъ нихъ паспорта. Эта форма въ нѣкоторыхъ случаяхъ практикуется до сихъ поръ, хотя предложеніе крестьянскаго труда теперь настолько велико, что подрядчикамъ и тѣмъ болѣе помѣщикамъ нѣтъ уже надобности безпокоить себя заблаговременнымъ наймомъ. Когда настанетъ нужная пора, рабочіе сами къ нимъ явятся въ достаточномъ числѣ и предложатъ свои услуги за вполнѣ подходящую цѣну.

Такимъ образомъ и на широкій рынокъ съ своей рабочей силой, такъ же какъ на міровой рынокъ со своими продуктами, крестьянство все время шло подъ давленіемъ нужды,—нужды прежде всего въ деньгахъ, требовав-

[1]) «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства», т. I., Спб., 1897 г.

шихся для уплаты податей и для покупки хлѣба. Чтобы показать, какое значеніе имѣетъ крестьянская нужда на промысловомъ рынкѣ, приведемъ еще нѣсколько цифръ по Козельскому уѣзду, относящемуся къ числу мѣстностей съ широко развитымъ отходомъ. Промысловый доходъ, по расчету на одинъ затраченный въ промыслахъ рабочій день мужчины - работника, оказался равнымъ:

въ хозяйствахъ, засѣвающихъ	отъ 3 дес.	39	коп.
„ „ „	отъ 3 до 9 дес.	48	„
„ „ „	свыше 9 дес. .	54	„

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мнѣ пришлось подробно говорить о значеніи этого факта въ жизни крестьянина и рабочаго. Здѣсь же для насъ важно лишь отмѣтить, что вынужденное вступить въ мѣновыя отношенія крестьянство сразу же оказалось во власти капитала: какъ продавецъ и покупатель сельско-хозяйственныхъ продуктовъ—во власти капитала торговаго, а какъ продавецъ рабочей силы—во власти капитала промышленнаго.

Между тѣмъ мѣновыя отношенія неуклонно продолжали развиваться. Въ силу естественнаго развитія потребностей и цѣлаго ряда другихъ причинъ, на которыхъ мы не имѣемъ здѣсь возможности останавливаться, количество какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ крестьянствомъ продуктовъ становилось все больше, а составъ ихъ дѣлался все разнообразнѣе. Все большее и большее значеніе поэтому получала для него разница между „покупными“ и „продажными“ цѣнами,—не только на хлѣбъ, но на всѣ продукты вообще. Эта же разница оказалась очень значительной и чѣмъ дальше, тѣмъ становилась все больше. Вышедшее на мѣновую дорогу крестьянство попало въ искусно разставленную петлю, которая затягивалась сразу съ двухъ концовъ

Благодаря косвеннымъ налогамъ и таможеннымъ пошлинамъ, крестьяне оказались вынужденными платить за покупаемые ими продукты значительно высшія цѣны, чѣмъ сельско-хозяйственные производители за границей. Само собой понятно, что чѣмъ выше становились налоги и пошлины, тѣмъ больше дѣлалась эта переплата. Чтобы показать, насколько она была значительна, приведемъ сравнительныя цѣны на нѣкоторые продукты массоваго потребленія за разные годы. Такъ, средняя биржевая цѣна на хлопокъ (американскій G. M.) въ десятилѣтіе 1890—1899 гг. была:

въ Ливерпулѣ	6	руб.	25	коп.	за пудъ
„ Гамбургѣ	6	„	48	„	„ „
„ Москвѣ	9	„	50	„	„ „

т.-е. русскія цѣны были выше нѣмецкихъ и англійскихъ на 47—52%. Въ тѣ же годы цѣна на бумажную пряжу (ватеръ № 30—32) была: въ Ман-

[1]) См. «Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ», изд. 3-е, СПБ., 1906 г.

Шпикарка (Орлова).

честерѣ 10 руб. 20 коп. за пудъ, въ Москвѣ 16 руб. 95 коп., т.-е. выше на 60% [1]). Легко понять, какъ много при такой разницѣ въ цѣнахъ крестьяне должны были переплачивать на ситцѣ и другихъ бумажныхъ тканяхъ, уже вошедшихъ къ этому времени во всеобщее употребленіе.

Еще болѣе значительной была разница въ цѣнахъ на чугунъ, т.-е. на сырой матеріалъ для всего желѣзодѣлательнаго и сталелитейнаго производства. Такъ средняя цѣна на шотландскій чугунъ была въ это десятилѣтіе:

въ Лондонѣ	—	руб.	36	коп.	за пудъ
„ Гамбургѣ	—	„	57	„	„ „
„ Одессѣ	1	„	08	„	„ „

т.-е. русская цѣна была въ два раза выше нѣмецкой и въ три раза выше англійской. Цѣны на русскій чугунъ были нѣсколько ниже (въ Петербургѣ въ 1895—1899 гг. 93 коп. за пудъ), но все-таки значительно выше, чѣмъ на мѣстный чугунъ за границей. Въ послѣднее десятилѣтіе эта разница

[1]) Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1890—1899 гг. Изд. Департамента торговли и мануфактуры. СПБ., 1900 г.

немного сгладилась, однако и за всѣмъ тѣмъ она остается громадной. Такъ, въ 1909 г.[1]) цѣны на литейный чугунъ были: въ Глазго—38 коп. (кливелендъ), въ Дюссельдорфѣ—44 к. (нѣмецкій), въ Петербургѣ—70 коп. (южнорусскій) и 81 коп. (уральскій). Легко опять-таки понять, какъ много, при этой разницѣ въ цѣнахъ, русскіе крестьяне переплачивали и переплачиваютъ на цѣломъ рядѣ продуктовъ, безусловно необходимыхъ въ ихъ домашнемъ быту и въ хозяйствѣ, и, въ частности, на земледѣльческихъ орудіяхъ.

Не менѣе громадныя переплаты приходилось и приходится дѣлать крестьянамъ на другихъ покупныхъ продуктахъ. Такъ, керосинъ, безъ котораго теперь не можетъ обойтись ни одна крестьянская изба, стоилъ за пудъ:

	1890—1899 гг.	1900—1909 гг.
въ Лондонѣ	— руб. 81 коп.	— руб. 99 коп.
„ Москвѣ	1 „ 35 „	1 „ 54 „

Это одинъ и тотъ же—„русскій“—керосинъ, который англичанамъ обходится чуть не вдвое дешевле, чѣмъ русскимъ потребителямъ...

Цѣна на чай, который все больше и больше въ нашемъ народномъ потребленіи вытѣсняетъ горячій приварокъ, была въ Петербургѣ въ послѣднее десятилѣтіе около 1 р. 50 коп. за фунтъ, а въ Лондонѣ 20—25 к. Среднія цѣны на сахаръ были:

въ Лондонѣ	2 руб. 74 коп.
„ Гамбургѣ	3 „ 74 „
„ Москвѣ	5 „ 59 „

Для сравненія мы должны были взять оптовыя цѣны въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ До крестьянъ всѣ названные продукты доходятъ, конечно, съ значительной надбавкой, такъ какъ, прежде чѣмъ дойти до деревни, они должны пройти черезъ руки многочисленныхъ посредниковъ и, въ концѣ-концовъ, черезъ руки кулаковъ, каковыми почти повсюду у насъ являются деревенскіе лавочники. Эта разница между оптовыми и розничными цѣнами въ Россіи, несомнѣнно, гораздо больше, чѣмъ за границей. Поэтому положеніе русскаго земледѣльческаго производителя, сравнительно съ заграничнымъ, въ отношеніи покупаемыхъ продуктовъ является еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ это рисуютъ приведенныя цифры.

Между тѣмъ, производя громадную переплату при покупкѣ продуктовъ, русское крестьянство не имѣетъ никакой возможности поднять цѣны на продаваемыя имъ сельско-хозяйственныя произведенія. Эти послѣднія цѣны, въ особенности теперь, когда нашъ хлѣбный экспортъ достигаетъ 588 милл. пуд. (средній за пятилѣтіе съ 1 августа 1905 г. по 31 іюля 1910 г.) и составляетъ около 20% всего производства, всецѣло опредѣляются міровымъ рынкомъ. Но русскій крестьянинъ не получаетъ за свой хлѣбъ даже той

[1]) Сводъ товарныхъ цѣнъ за 1909 г., СПБ., 1910 г.

цѣны, какую можно получить на послѣднемъ. Онъ получаетъ меньше, съ одной стороны, на всю стоимость доставки, которая обходится особенно дорого для нашихъ палестинъ, а съ другой—на всю ту сумму, какую урываютъ въ свою пользу посредники и которая, какъ мы уже знаемъ, для крестьянскаго хлѣба у насъ невѣроятно велика. Насколько неблагопріятно положеніе русскаго сельско-хозяйственнаго производителя, сравнительно съ западно-европейскимъ, нѣкоторое представленіе даютъ нижеслѣдующія цифры о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ за 1900—1909 гг.

Цѣна за пудъ:	Рожь.	Пшеница.	Овесъ.
На русскихъ внутр. рынкахъ	— р. 72 к.	— р. 99 к.	— р. 65 к.
Въ Лондонѣ.	— „ — „	1 „ 16 „	— „ 89 „
„ Кенигсбергѣ	1 „ 12 „	1 „ 31 „	1 „ 06 „

Русскія цѣны значительно ниже заграничныхъ... Но русскія цѣны въ данномъ случаѣ—это цѣны не только на крестьянскій, но и на помѣщичій хлѣбъ и притомъ на хлѣбъ въ большихъ торговыхъ пунктахъ, уже сосредоточенный въ рукахъ крупныхъ скупщиковъ, сдѣлки которыхъ отмѣчаются въ биржевыхъ бюллетеняхъ. Цѣны, по которымъ продавали хлѣбъ крестьяне на базарахъ и маленькихъ станціяхъ мелкимъ скупщикамъ, неизвѣстны, но онѣ, конечно, были еще и притомъ значительно ниже.

Не зная въ точности ни „покупныхъ“, ни „продажныхъ“ крестьянскихъ цѣнъ, мы не можемъ учесть всю разницу между ними... Но допустимъ, что крестьяне продаютъ весь свой хлѣбъ и покупаютъ всѣ нужные имъ продукты по биржевымъ цѣнамъ, какія стоятъ въ большихъ торговыхъ центрахъ. И въ этомъ случаѣ убыточность ихъ мѣновыхъ сдѣлокъ и невыгодность ихъ положенія сравнительно съ заграничными сельско-хозяйственными производителями обнаружится съ достаточною наглядностью. Если, пользуясь приведенными данными, мы вычислимъ, сколько, примѣрно, пудовъ ржи долженъ былъ отдавать, съ одной стороны, нѣмецкій сельско-хозяйственный производитель, а съ другой—русскій за одни и тѣ же продукты, то получимъ такія цифры:

Должны отдавать пудовъ ржи:	Нѣмецкій производитель.	Русскій производитель.
За пудъ американскаго хлопка	6	13
„ „ русскаго сахара	3	8
„ „ шотландскаго чугуна	$^1/_2$	$^1/_2$

Русскій долженъ отдавать въ 2—3 раза больше... Но такъ какъ въ дѣйствительности крестьянинъ покупалъ и продавалъ не по биржевымъ цѣнамъ, а по такимъ, какія положитъ тотъ или иной „благодѣтель“, то эта разница все время была еще значительнѣе.

Разъ мужикъ отдавалъ лишнее, то, стало-быть, кто-нибудь бралъ... Видную часть брала, какъ мы уже знаемъ, казна въ видѣ налоговъ и пошлинъ.

Не мало получали такъ же, съ одной стороны, желѣзныя дороги, банки и другія учрежденія, предназначенныя служить для торговаго оживленія, а съ другой стороны—экспортеры и скупщики, коммерсанты и лавочники, вообще представители торговаго капитала. Не малая толика причиталась и на долю капитала промышленнаго.

Пользуясь таможенными пошлинами, въ особенности когда онѣ получили откровенно-покровительственный характеръ, фабриканты и заводчики имѣютъ возможность продавать свои издѣлія по цѣнамъ гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ они стоятъ. Всѣ надежды на то, что подъ защитой таможенной стѣны вырастетъ „крѣпкая національная промышленность“ и разовьется „дѣятельная внутренняя конкуренція“, которая приведетъ протекціонизмъ къ „самоупраздненію“ (Витте), оказались напрасными. Проф. Соболевъ въ цитированномъ уже трудѣ дѣлаетъ рядъ сопоставленій, изъ которыхъ явствуетъ, что разница между русскими и заграничными цѣнами не только равнялась пошлинѣ на данный продуктъ, но нерѣдко и превосходила ее. Такъ, по даннымъ 1890 г.:

	Пошлина.	Разница въ цѣнѣ.
Хлопокъ	1 р. — к.	1 р. 79 к.
Чугунъ	25 „	45 „
Сода	40 „	80 „

Въ 1891 году тарифъ былъ повышенъ и разница въ цѣнахъ немедленно увеличилась, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже больше, чѣмъ возросла пошлина Такъ, по даннымъ 1892 г.:

	Пошлина.	Разница въ цѣнѣ.
Хлопокъ	1 р. 40 к.	2 р. 52 к.
Чугунъ	— „ 30 „	— „ 51 „
Сода	— „ 90 „	1 „ 48 „

Такимъ образомъ, если за какой-либо иностранный продуктъ приходится платить пошлину въ казну, то за тотъ же продуктъ отечественнаго производства приходится платить такую же и даже большую пошлину фабрикантамъ и заводчикамъ. А такъ какъ многіе изъ обложенныхъ продуктовъ въ большемъ количествѣ изготовляются въ Россіи, чѣмъ привозятся изъ-заграницы, то дань промышленному капиталу во многихъ случаяхъ оказывается болѣе значительной, чѣмъ дань правительству.

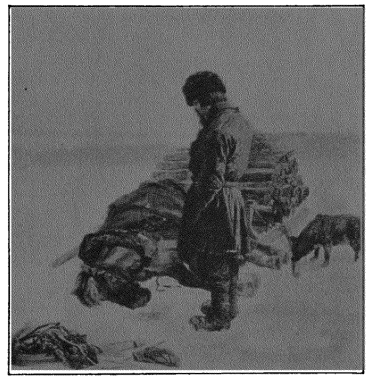
Въ литературѣ не разъ дѣлались попытки опредѣлить, хотя бы приблизительно, общіе размѣры этой дани. Наиболѣе детальный расчетъ былъ произведенъ г. Саввинымъ по даннымъ 1900 года [1]). По его вычисленіямъ, за фабричныя и заводскія издѣлія русскій потребитель переплачиваетъ:

[1]) Саввинъ, «Во что обходится Россіи покровительство крупной промышленности». «Русскій экономистъ», 1906 г., №№ 11—13.

За иностранныя издѣлія въ казну	140,7 милл. руб.
„ отечественныя издѣлія капиталистамъ	237,7 „ „

Итого 378 милл руб.; кромѣ того, на сырыхъ матеріалахъ онъ переплачиваетъ 253 милл. руб.; всего, стало-быть, 631 милл. руб. „Если вычислить сумму переплатъ, вызванную таможенной политикой, за вторую половину XIX вѣка, то мы получимъ,—пишетъ проф. Соболевъ,—поразительную цифру 14—15 милліардовъ". Изъ этого числа $4^1/_2$ милліарда, по его подсчету, поступили въ видѣ таможенныхъ пошлинъ въ казну, а остальные пошли, стало-быть, на воспособленіе фабрикантамъ и заводчикамъ.

Само собой понятно, что чѣмъ дальше крестьянство заходило по пути мѣновыхъ отношеній, тѣмъ большія суммы оно выплачивало и тѣмъ большую долю изъ своего трудового дохода отдавало на оживленіе русской торговли и поддержаніе отечественной промышленности. Но послѣднюю оно поддерживало, какъ мы уже знаемъ, не только тѣмъ, что платило за ея продукты повышенныя цѣны, но и тѣмъ, что доставляло ей рабочую силу за пониженную плату.



Лошадь пала (Башилова).

Вообще русскій капиталъ—и торговый, и промышленный—на крестьянскомъ трудѣ, можно сказать, выросъ, — выросъ, главнымъ образомъ, въ пореформенную эпоху...

V.

Мы отмѣтили лишь главныя формы, въ какихъ происходила все время эксплуатація освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости крестьянства. Можно было бы указать еще цѣлый рядъ ихъ... Кромѣ названныхъ, имѣются и другія соціальныя группы, благосостояніе которыхъ цѣликомъ держится на нуждѣ, безправіи и темнотѣ многомилліонной крестьянской массы. Но описывать раскинутыя ими сѣти мы не будемъ: для этого у насъ нѣтъ мѣста,

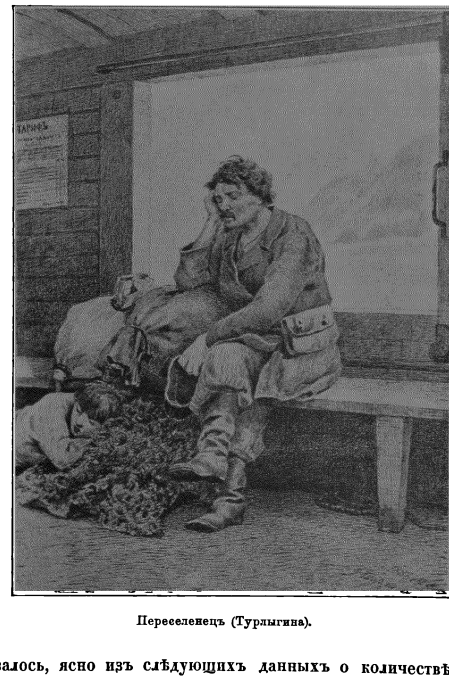
да и нѣтъ, какъ можно думать, особой въ этомъ надобности [1]). Общія экономическія условія, въ какихъ крестьянство находилось въ дореформенное время, очерчены нами, хотя и бѣглыми, но достаточно ясными штрихами. Легко понять, что въ этихъ условіяхъ оно не могло развернуть свои силы и упрочить свое экономическое положеніе. Правящіе классы отбирали у него не только весь „прибавочный“ продуктъ, за счетъ котораго оно могло бы расширить или углубить свое хозяйство, но нерѣдко и значительную часть продукта „необходимаго“,—необходимаго для поддержанія жизни.

Для отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія выдавались, конечно, благопріятные моменты, когда для нихъ открывалась возможность двинуть впередъ свое хозяйство. И надо сказать, что эту возможность крестьяне не упускали. За пятьдесятъ лѣтъ хозяйство ихъ какъ-никакъ расширилось и углубилось: крестьянская посѣвная площадь теперь значительно больше, чѣмъ была послѣ реформы, земледѣльческая

[1]) Напомнимъ здѣсь лишь о духовенствѣ, содержаніе котораго (свыше 100 тыс. лицъ бѣлаго духовенства, что съ ихъ семьями составляетъ болѣе 600 тыс. душъ, и около 60 тыс. монашествующаго) въ значительной его части падаетъ на крестьянскія плечи, при чемъ во многихъ случаяхъ имѣетъ характеръ налоговаго бремени. По расчетамъ В. Кильчевскаго («Богатства и доходы духовенства», Спб., 1908 г.) только за обязательныя требы (крещеніе, бракосочетаніе, похороны), принимая минимальныя платы, духовенство получило въ 1902 г. свыше 16½ милл. руб. Но эти пошлины, обязательно вносимыя со всѣхъ родившихся, умершихъ и бракомсочетавшихся, составляютъ, какъ извѣстно, лишь часть такъ называемыхъ «доброхотныхъ даяній» и притомъ отнюдь не главную. Видную долю послѣднихъ даютъ окладные, такъ сказать, сборы, какіе производитъ духовенство со всего населенія нѣсколько разъ въ годъ деньгами и натурой (въ престольные праздники, на Пасхѣ, на Рождествѣ, въ великій постъ за исповѣдь, въ петровскій постъ—«петровщину», послѣ урожая—«новину» и т. п.). Далѣе идутъ доброхотныя даянія, не ниже установленной таксы, за требы «по усердію» (панихиды, молебны, обѣдни и т. д.). Не малые доходы даетъ духовенству и земля, обрабатываемая въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьянскими руками. Къ этому нужно прибавить жалованье изъ казны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ сельскихъ обществъ. Учесть всѣ эти разнообразные доходы и выяснить, какую долю ихъ должны давать крестьяне, совершенно немыслимо. Трудно учесть и церковные доходы, показываемые въ отчетахъ обыкновенно много ниже дѣйствительныхъ. Приведемъ поэтому лишь кое-какія имѣющіяся въ литературѣ данныя, позволяющія хотя бы приблизительно судить о томъ, сколько должны платить крестьяне. По массовымъ бюджетнымъ даннымъ Воронежской губерніи, охватившимъ 177 тыс. крестьянскихъ хозяйствъ, денежные расходы на «религіозныя и обрядовыя потребности» опредѣлились въ 11 р. 82 коп. по расчету на дворъ. Но въ эту сумму входятъ всѣ обрядовые расходы въ томъ числѣ и расходы на угощеніе, особенно большіе при свадьбахъ. Если исключить цѣликомъ свадебные расходы, то средній расходъ будетъ равенъ 5 руб. 16 коп. Близкую къ этой цифрѣ даютъ бюджеты типичныхъ хозяйствъ по Острогожскому уѣзду: средній расходъ «на духовенство и требы» оказался въ нихъ равнымъ 5 руб. 87 коп. (со свадебными расходами—20 р. 66 к.) (Ф. А. Щербина, «Крестьянскіе бюджеты, Воронежъ, 1900 г.). По бюджетнымъ даннымъ Козельскаго уѣзда (статистическое описаніе Калужской губ., т. I, Калуга, 1898 г.) денежный расходъ кр. семьи на церковь и причтъ равенъ 4 р. 63 коп. Натуральные расходы на тотъ же предметъ по воронежскимъ даннымъ составляютъ около 20% денежныхъ. Такимъ образомъ въ среднемъ крестьянскій дворъ, не считая свадебъ, тратитъ, какъ можно думать, около 6 руб., что для всѣхъ крестьянъ Европейской Россіи составляетъ 70 милл. руб. въ годъ. Надо, однако, сказать, что приведенныя данныя относятся къ 80-мъ и 90-мъ годамъ. Послѣ того духовенство, повидимому, сильно повысило свою таксу. Но за то, съ другой стороны, «усердіе» у крестьянъ, какъ можно думать, уменьшилось.

техника выше и т. д. Но въ общемъ сельско-хозяйственный прогрессъ не опередилъ, а отсталъ отъ прироста населенія.

Возможность двинуть свое хозяйство впередъ оказывалась обыкновенно кратковременной. Проходилъ благопріятный моментъ для отдѣльнаго хозяйства, для данной группы, для данной мѣстности,—и вновь концы едва сходились съ концами. Нерѣдко, при всѣхъ усиліяхъ, ихъ такъ и не удавалось свести. Въ такихъ случаяхъ приходилось поступаться уже достигнутыми успѣхами и обращать на пополненіе недочетовъ въ бюджетѣ, за отсутствіемъ другихъ запасовъ, сельско-хозяйственный капиталъ въ той или иной его части,—съ тѣмъ, чтобы потомъ опять тратить силы на его возстановленіе. Какъ медленно иногда происходило послѣднее и съ какимъ трудомъ оно давалось, ясно изъ слѣдующихъ данныхъ о количествѣ лошадей (по военноконскимъ переписямъ) въ 38 губерніяхъ [1]):



Переселенецъ (Турлыгина).

	Въ тысячахъ. Крест. дворовъ.	Раб. лошадей.	Лошадей на одинъ дворъ.
Въ 1888—1891 гг.	8.226	10.647	1,29
„ 1899—1900 „	9.050	9.673	1,07
„ 1904—1906 „	9.776	10.539	1,08

[1]) Заимствуемъ эту табличку изъ книги Н. Огановскаго: «Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи», Саратовъ, 1911 г.

Неурожаи начала 90-хъ годовъ сказались крупною убылью въ крестьянскомъ скотѣ, пополнить которую населеніе оказалось не въ состояніи не только къ концу этого десятилѣтія, но и до средины слѣдующаго. Въ теченіе 15 лѣтъ оно, въ массѣ своей, такъ и не дождалось благопріятнаго момента, чтобы продвинуть впередъ свое хозяйство. Оно едва-едва было въ силахъ удерживать его даже на томъ уровнѣ, до котораго оно упало въ 90-е годы (1,07—1,08 раб. лошадей на дворъ).

Для отдѣльныхъ мѣстностей, группъ и дворовъ послѣдствія этихъ „временныхъ колебаній въ прибыткахъ“ оказывались еще болѣе затяжными, а иногда и роковыми.

Между тѣмъ страдало въ данныхъ условіяхъ не только хозяйство... Благосостояніе правящихъ классовъ въ конечномъ счетѣ на крестьянскихъ костяхъ было основано. Какую роль сыграло въ народной жизни хотя бы столь выгодное для этихъ классовъ крестьянское малоземелье, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Къ 1877—1878 гг. крестьянское населеніе возросло [1]):

| | | |

должаетъ еще сказываться, но еще большее значеніе имѣютъ, конечно, теперь общія условія земельнаго обезпеченія, не только надѣльнаго, но и внѣнадѣльнаго.

Многочисленныя группы крестьянскаго населенія все время находились въ состояніи хроническаго недоѣданія, которое сопровождалось повышенною болѣзненностью и смертностью. Въ неблагопріятные моменты это недоѣданіе обострялось до голода, охватывавшаго иногда чуть не всю массу крестьянскаго населенія на пространствѣ обширныхъ районовъ. Достаточно напомнить въ этомъ случаѣ голодовки девяностыхъ годовъ.

На пчельникѣ.

Въ 1892 году на каждую тысячу населенія умерло больше, чѣмъ бы это слѣдовало по среднему коэффиціенту смертности за 25 лѣтъ [1]):

Въ Симбирской	губерніи	11 чел.
„ Казанской	„	11 „
„ Уфимской	„	15 „
„ Воронежской	„	17 „
„ Оренбургской	„	19 „
„ Саратовской	„	20 „
„ Самарской	„	23 „
„ Астраханской	„	26 „
„ Донской области		27 „

[1]) Пользуемся данными, сгруппированными въ статьѣ В. И. Покровскаго: «Вліяніе колебаній урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на естественное движеніе населенія» (Сб. «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», т. II).

Всего же въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи умерло въ этомъ году лишнихъ свыше 400 тыс. человѣкъ.

Но даже эта груда костей не заставила ослабить эксплуатацію крестьянскаго населенія. Напротивъ, она еще болѣе усилилась.

Въ томъ же 1892 году въ управленіе Министерствомъ Финансовъ вступилъ Витте. Началось небывалое движеніе торговли и промышленности и неимовѣрно быстрое нарастаніе государственнаго бюджета. Хотя голодовки сдѣлались хроническими, но это не помѣшало ни успѣшному накопленію богатствъ удачниками, ни блестящему исполненію государственныхъ росписей.

Позднѣе произошла заминка, встрѣтились кое-какія препятствія. Но эти препятствія уже устранены, сѣти подновлены и еще шире раскинуты. Началась уже новая полоса финансоваго благополучія, капиталистическаго преуспѣянія и усиленной эксплуатаціи крестьянскаго населенія.

Насчетъ благополучія и преуспѣянія еще возможны, конечно, сомнѣнія, но въ новомъ и рѣзкомъ ухудшеніи условій крестьянской жизни, къ сожалѣнію, нельзя даже сомнѣваться...

VI.

Надежда поэта, что пореформенныя сѣти будетъ легче распутать, чѣмъ крѣпостныя, до сихъ поръ не оправдалась. Въ срединѣ послѣдняго десятилѣтія народомъ была сдѣлана попытка порвать ихъ, но и она оказалась напрасною. Движеніе это слишкомъ еще близко къ намъ, чтобы пытаться теперь же дать общую его картину и взвѣсить всѣ его послѣдствія.

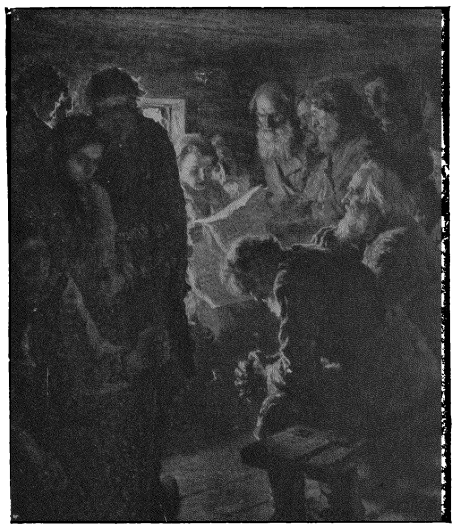
„Земля и воля“—таковъ оказался, въ концѣ-концовъ, лозунгъ всего освободительнаго движенія. Лозунгъ не новый: за послѣднія 50 лѣтъ не разъ поднималось это знамя, первая же попытка поднять его была сдѣлана чуть не на другой день послѣ паденія крѣпостного права. Тогда оно собрало маленькую кучку молодежи, въ послѣдній же разъ собрались подъ нимъ большія народныя массы. Пятьдесятъ лѣтъ прожиты не напрасно, многое въ этомъ отношеніи измѣнилось, но знамя осталось старое.

Символомъ всѣхъ матеріальныхъ задачъ движенія явилась земля. Но какъ въ 1861, такъ и въ 1905 году это былъ не только символъ: какъ тогда, такъ и теперь земля оказалась главнымъ объектомъ борьбы, около нея сконцентрировались самые существенные интересы, около нея произошли рѣшительныя битвы. И тутъ же опредѣлились неудачи какъ реформы, такъ и революціи. Мы видѣли, какую роль сыграло въ пореформенной жизни крестьянства малоземелье; мы еще увидимъ, да это и теперь уже ясно, какую роль въ его настоящей жизни сыграетъ „землеустройство“.

По приходу.

(Орлова)

Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать и тѣмъ болѣе критиковать эти программы. Напомнимъ лишь главные водораздѣлы между ними, да и то постольку лишь, поскольку это необходимо, чтобы опредѣлить общее направленіе освободительнаго движенія.



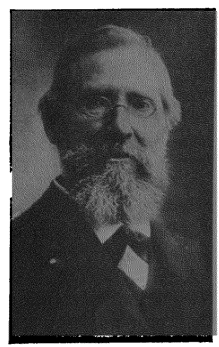
Чтеніе газеты въ деревнѣ (Богданова-Бѣльскаго).

Одни участники послѣдняго (к.-д. партіи) считали возможнымъ и даже должнымъ удовлетвориться лишь частью помѣщичьей земли; другіе (соціалистическія партіи) считали необходимымъ отобрать всю землю. Надо, однако, сказать, что эта грань опредѣлилась не сразу и положеніе отдѣльныхъ партіи по отношенію къ ней не оставалось неизмѣннымъ. Такъ, соціалъ-демократы

вступили въ движеніе съ требованіемъ лишь „отрѣзковъ", т.-е. тѣхъ земель, которыя были отрѣзаны у крестьянъ при выходѣ ихъ на волю; но потомъ, съ развитіемъ движенія, с.-д. партія расширили свою аграрную программу до требованія всей помѣщичьей земли. Между к.-д. аграрными проектами, внесенными въ первую Думу („Записка 42-хъ"), съ одной стороны, и во вторую („проектъ главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи земледѣльческаго населенія")—съ другой, тоже нетрудно замѣтить по данному вопросу существенную разницу. Если с.-д. съ усиленіемъ движенія расширили свою программу, то к.-д. послѣ того, какъ движеніе явно пошло на убыль, свою ограничили. Впрочемъ, и с.-д. заранѣе предусмотрѣли, что имъ свои требованія придется, быть-можетъ, сузить по тактическимъ соображеніямъ. Требованіе съ ихъ стороны всей земли было разсчитано на побѣдоносный исходъ революціи; „въ случаѣ неблагопріятныхъ для этого условій россійская соціалъ-демократическая рабочая партія, — читаемъ мы въ одной изъ резолюцій ея съѣзда 1906 г.,—выскажется за раздѣлъ между крестьянами тѣхъ помѣщичьихъ земель, на которыхъ фактически ведется мелкое хозяйство или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодья". Въ этомъ случаѣ с.-д. требованія оказались бы, пожалуй, даже болѣе узкими, чѣмъ пожеланія к.-д. партіи, какъ они были формулированы въ аграрныхъ проектахъ послѣдней.

Другой вопросъ, оказавшійся спорнымъ между партіями, былъ вопросъ о выкупѣ. Одни участники освободительнаго движенія находили необходимымъ заплатить помѣщикамъ за ихъ землю, другіе настаивали на безмездной ея экспропріаціи. Въ спорахъ съ той и другой стороны выдвигались нерѣдко и принципіальныя соображенія, и „требованія" получали, такимъ образомъ, безусловный характеръ. Въ дѣйствительности, однако, сторонники „конфискаціи" понимали, что совершенно безмездной послѣдняя быть не можетъ, такъ какъ необходимо будетъ посчитаться съ нѣкоторыми изъ обязательствъ, лежащихъ на землѣ, да и объ экспропріированномъ классѣ государству въ той или иной формѣ придется позаботиться. Съ другой стороны, сторонники выкупа признавали невозможность оплатить помѣщичью землю по рыночной, явно вздутой, цѣнѣ и считали нужнымъ найти для этого „справедливую цѣну". Въ конечномъ счетѣ конкретныя „требованія" и противниковъ и сторонниковъ выкупа оставались довольно неопредѣленными. Была даже сдѣлана попытка (н.-с. партіею) исключить этотъ вопросъ изъ числа программныхъ и, намѣтивъ общую линію своего поведенія, отложить конкретное рѣшеніе его... Оглядываясь теперь назадъ, трудно даже представить себѣ, какова могла бы оказаться денежная стоимость помѣщичьихъ земель въ случаѣ удачнаго исхода революціи. Вѣроятнѣе всего, что на этой именно почвѣ состоялся бы компромиссъ.

Третій вопросъ, раздѣлявшій въ аграрной сферѣ участниковъ освободительнаго движенія, былъ вопросъ о формахъ землевладѣнія. Народники все время рѣшительно высказывались за коллективную форму, при чемъ въ ихъ средѣ постепенно намѣтились два теченія: одно за соціализацію (с.-р.), другое—за націонализацію (н.-с.). К.-д. партія занимала въ этомъ вопросѣ нѣсколько неопредѣленную позицію, съ наклономъ то въ сторону націонализаціи („записка 42-хъ"), то въ сторону существующихъ формъ землевладѣнія (проектъ, внесенный во 2-ю Думу). Что касается с.-д., то, пока ихъ требованія ограничивались „отрѣзками", они являлись, какъ можно думать, сторонниками личной собственности. Но, расширивъ свою аграрную программу, они высказались вмѣстѣ съ тѣмъ за передачу казенныхъ, удѣльныхъ, помѣщичьихъ и монастырскихъ земель крупнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія („муниципализація"), при чемъ противниками этого теченія на съѣздѣ были сторонники націонализаціи, т.-е. тоже коллективной формы землевладѣнія. Въ общемъ тенденція къ коллективной формѣ, особенно въ разгаръ движенія, несомнѣнно, преобладала и въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ послѣдняго легко могла бы сдѣлаться господствующей.



А. И. Чупровъ.

Былъ и еще вопросъ, вызывавшій все время большія теоретическія разногласія. Это вопросъ о трудовомъ и предпринимательскомъ хозяйствѣ. Но какъ бы различно участники освободительнаго движенія ни представляли себѣ судьбы того и другого въ дальнѣйшемъ, въ качествѣ ближайшаго шага всѣ они безусловно считали необходимымъ расширеніе землепользованія именно крестьянскаго и прежде всего малоземельнаго населенія. Даже с.-д., отношеніе которыхъ къ трудовому хозяйству всегда было, по меньшей мѣрѣ, скептическимъ, не видѣли другого пути къ „свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ", какъ расширеніе площади трудового землепользованія.

Было и еще нѣчто общее въ аграрныхъ программахъ всѣхъ партій, являвшихся активными участниками освободительнаго движенія. Всѣ онѣ считали невозможнымъ разрѣшить аграрный вопросъ путемъ добровольныхъ соглашеній крестьянъ съ помѣщиками и находили поэтому необходимымъ примѣненіе силы въ формѣ ли „принудительнаго отчужденія" или „конфискаціи".

Аграрныя программы политическихъ партій, какъ упоминалось, складывались и измѣнялись подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ развивавшагося,

главнымъ образомъ, крестьянскаго движенія. Не лишне будетъ напомнить, что въ послѣдніе мѣсяцы 1904 г., когда движеніе пробилось уже наружу, но не вышло еще за предѣлы такъ называемаго „общества", вопросъ о землѣ даже не поднимался. Онъ былъ обойденъ ноябрьскимъ земскимъ съѣздомъ, не всплылъ на банкетахъ, ни слова о землѣ не было сказано въ указѣ 12 декабря, — въ этомъ первомъ отвѣтѣ правительства на общественныя требованія. Первое упоминаніе о землѣ мы находимъ въ петиціи, съ которою было устроено рабочее шествіе 9 января 1905 года, но и то въ самой общей формѣ. Лишь съ началомъ крестьянскаго движенія, въ февралѣ того же года, аграрный вопросъ привлекаетъ къ себѣ надлежащее вниманіе.

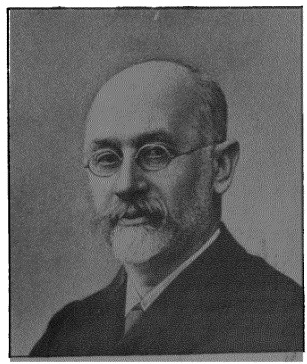
Общій характеръ этого движенія вполнѣ подтверждаетъ сдѣланные выводы относительно тенденцій, какія были свойственны революціи 1905 г. въ аграрной сферѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей западной Россіи, гдѣ широко развито батрачное хозяйство и гдѣ движеніе получило по преимуществу стачечный характеръ, въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи рѣзко преобладали въ 1905 г. двѣ его формы: разгромы помѣщичьихъ усадебъ и порубки владѣльческихъ лѣсовъ. Довольно большимъ было и стремленіе къ захвату земель (въ особенности подъ пастбища), но эта форма движенія, какъ длящаяся, не могла, конечно, получить широкаго распространенія, такъ какъ власти успѣвали обыкновенно сравнительно скоро возстановлять порядокъ. Такимъ образомъ вопросъ о помѣщичьемъ землевладѣніи и помѣщичьемъ хозяйствѣ крестьяне обнаружили склонность ставить очень радикально.

Какова должна быть норма земельныхъ отношеній и тѣмъ болѣе общая норма? — Относительно взглядовъ крестьянъ на этотъ счетъ для первой стадіи движенія имѣются лишь случайныя и отрывочныя свѣдѣнія. Возможно, что этотъ вопросъ во многихъ случаяхъ даже не возникалъ у крестьянъ. Въ другихъ случаяхъ онъ, повидимому, рѣшался въ ихъ сознаніи очень просто· разъ помѣщика нѣтъ, то, стало-быть, земля ихняя, т.-е. ближайшихъ селеній, въ той или иной формѣ до сихъ поръ ее обрабатывавшихъ.

Очень скоро, однако, крестьянство было втянуто въ обсужденіе общихъ вопросовъ. Не малую роль сыгралъ въ этомъ случаѣ указъ 18 февраля 1905 г., давшій толчокъ къ постановкѣ вопросовъ именно въ общей формѣ. Началось петиціонное движеніе, стали устраиваться митинги, получила широкое распространеніе политическая литература, появились агитаторы. На ряду съ значительнымъ развитіемъ пропаганды, дѣлаются попытки массовой организаціи. Лѣтомъ 1905 г возникъ крестьянскій союзъ, и къ концу этого года онъ получилъ громадную популярность и широкое распространеніе, хотя и въ аморфномъ видѣ. Выборы въ Думу, агитація въ связи съ нею, приговорное движеніе, вновь выборы—все это продолжало удерживать вниманіе крестьянъ въ сферѣ общихъ вопросовъ. Въ конечномъ счетѣ мы

имѣемъ массу программныхъ заявленій со стороны крестьянства,—и больше всего, конечно, по аграрному вопросу,—въ формѣ приговоровъ крестьянскихъ сходовъ, постановленій крестьянскихъ съѣздовъ, наказовъ крестьян ѣмъ депутатамъ, думскихъ выступленій послѣднихъ и т д.

Одною изъ основныхъ и наиболѣе прочно усвоенныхъ ьр ть с мъ сознаніемъ общихъ нормъ для рѣшенія аграрнаго вопроса, несомнѣнно должна считаться такая: земля—трудящимся... Эта норма имѣетъ, однако, въ виду лишь пользованіе землею. Что касается вопроса о формахъ земл владѣнія, то онъ остался, какъ можно думать, гораздо менѣе уясненнымъ въ сознаніи крестьянскаго населенія. Крестьянскій союзъ, какъ извѣстно, высказался за передачу земли въ общегосударственную собственность, т.-е. за національзацію. Такова же программа трудовой группы, состоявшей во всѣхъ Думахъ, главнымъ образомъ, изъ крестьянскихъ депутатовъ. Однородное требованіе встрѣчается въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ приговоровъ и наказовъ. Однако и за всѣмъ тѣмъ трудно сказать, насколько этотъ лозунгъ былъ усвоенъ крестьянской массой и, главное, насколько яснымъ онъ представлялся ей въ своемъ конкретномъ примѣненіи. Но зато несомнѣнно очень сильное тяготѣніе, какое было проявлено той же массой вообще къ коллективной формѣ землевладѣнія, какъ къ наиболѣе соотвѣтствующей трудовому землепользованію и, съ другой стороны, наиболѣе привычной для русскаго крестьянства. Это тяготѣніе въ годы движенія было настолько сильно, что сказалось даже въ той части крестьянскаго населенія, которая сравнительно слабо была захвачена послѣднимъ и которая пыталась рѣшить для себя земельный вопросъ въ обычныхъ до того формахъ. Такъ, по отчетамъ крестьянскаго банка, заявленій о покупкѣ земли при его содѣйствіи поступило:



М. Я. Ге центте' нъ.

По расчету на годъ.	Отъ обществ.	Отъ товарищ ствъ	Отъ тдѣл. д м хоз.	И .
Въ періодѣ 1901—1903 гг.	457	5.708	2.033	8.197
„ „ „ съ 3 нояб. 1905 г. по 1 янв. 1907 г. .	1.498	5.464	1.653	8.615
Разница	+1.041	—244	—380	417

Покупки обществами обнаружили тенденцію увеличиться болѣе, чѣмъ въ три раза, а покупки товариществами и, въ особенности, отдѣльными домохозяевами замѣтно сократились.

Такимъ образомъ непосредственныя данныя объ аграрномъ движеніи, какъ и отраженныя въ программахъ политическихъ партій, указываютъ въ общемъ одно и то же его направленіе... Но въ этомъ направленіи движеніе не нашло себѣ исхода. Преградившія ему дорогу силы стали рѣшать аграрный вопросъ по-своему. Онѣ тоже сдѣлали землю „осью“ всей своей политики, но повернули ее въ обратную сторону.

Впрочемъ, въ началѣ правительство обнаружило склонность сдѣлать хотя бы одну уступку народнымъ требованіямъ: оно обѣщало увеличить площадь крестьянскаго землепользованія, „всѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо, на льготныхъ условіяхъ“ [1]). Съ этою цѣлью были предназначены къ передачѣ крестьянамъ казенныя и удѣльныя земли и предпринята была усиленная скупка помѣщичьихъ земель При посредствѣ крестьянскаго банка, скоро, однако, выяснилось, что изъ рукъ правительства крестьяне, если и могутъ получить землю, то отнюдь не на „льготныхъ условіяхъ“. Выше мы уже говорили, какъ сильно возросли земельныя цѣны въ пореволюціонное время, — возросли, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности крестьянскаго банка. Помимо того, что онъ вздулъ цѣны на землю при покупкѣ ея у помѣщиковъ, при перепродажѣ ея крестьянамъ онъ началъ дѣлать все болѣе и болѣе значительныя надбавки. Такъ, онъ продавалъ крестьянамъ землю: въ 1906 году по 71 руб. за десятину, въ 1907 г.—по 109 руб., въ 1908 г.—по 117 руб. и въ 1909 г.—по 136 р. По этимъ цѣнамъ крестьяне должны были покупать не только бывшія помѣщичьи земли, но и удѣльныя и отобранныя у самихъ же крестьянъ, хотя всѣ эти земли достались банку по несравненно болѣе низкимъ цѣнамъ. Какъ велика была въ 1906—1909 гг. разница между цѣнами, какія платилъ самъ банкъ за землю, и цѣнами, по которымъ онъ продавалъ ее крестьянамъ, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ: за помѣщичью землю банкъ платилъ по 105 руб. за десятину, отобранная у крестьянъ за недоимки земля осталась за нимъ по цѣнѣ 76 руб. за десятину и удѣльныя земли перешли къ нему по 56 р. за десятину, въ среднемъ десятина обошлась ему около 90 руб.; продавалъ же онъ крестьянамъ, если взять среднюю цѣну за всѣ 1906—1909 гг., по 125 руб за десятину.

Съ теченіемъ времени выяснилось и то, что правительство не склонно торопиться съ передачей земли крестьянамъ. Удѣльныя земли, въ значи-

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Государственная Дума, сессія II, засѣданіе 36-е (10 мая 1907 г.). Рѣчь предсѣдателя Совѣта Министровъ.

„Избы“ (съ карт. Мещерина).

тельной ихъ части, до начала 1911 года оставались не переданными не только крестьянамъ, но и крестьянскому банку. Распродажу казенныхъ земель правительство сразу же затормозило, а потомъ и вовсе почти прекратило.

Главныя усилія оказались направленными къ тому, чтобы разбить коллективныя формы землевладѣнія.

Указомъ 9 ноября 1906 года, который былъ замѣненъ потомъ болѣе усовершенствованнымъ закономъ 14 іюня 1910 года, каждому домохозяину предоставлено право укрѣплять въ свою личную собственность участки общинной земли, находящіеся въ его постоянномъ пользованіи. Для того же, чтобы преодолѣть сопротивленіе населенія такому расхищенію общественнаго достоянія и, съ другой стороны, увеличить число охотниковъ до него, власти примѣняли и примѣняютъ самыя разнообразныя мѣры давленія и поощренія... Въ концѣ-концовъ, въ сферѣ земельныхъ отношеній крестьянства воцарился полный произволъ и общинная жизнь сдѣлалась невозможной. Даже противники укрѣпленія земли въ собственность нерѣдко оказываются вынужденными прибѣгать къ нему, какъ къ единственному спасенію. Въ значительной мѣрѣ своей цѣли правительство уже достигло. Къ серединѣ 1910 года надѣльная земля была уже укрѣплена 1.349.460 домохозяевами въ количествѣ 9.901.469 дес., что составляетъ около 13½% всѣхъ общинниковъ и 8,7% всей общинной земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи.

Процессъ разрушенія общины идётъ уже повсемѣстно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень быстрымъ темпомъ.

Не довольствуясь укрѣпленіемъ общинныхъ земель въ личную собственность, правительство поставило себѣ и другую задачу: разселить крестьянъ на хутора, сдѣлать невозможнымъ для нихъ возвратъ къ коллективной формѣ владѣнія землей и вмѣстѣ съ тѣмъ затруднить для нихъ возможность какихъ бы то ни было коллективныхъ дѣйствій. Въ этомъ случаѣ успѣхи правительства пока не особенно значительны: до 1 іюля 1910 года изъ надѣльной земли образовано лишь 189.734 хуторскихъ и отрубныхъ участковъ. Но въ эту сторону направлены теперь главныя усилія „землеустроителей“.

Къ сказанному остается прибавить, что само правительство свою земельную политику откровенно назвало „ставкой на сильнаго“. Что касается слабыхъ, то ихъ оно предоставляетъ, очевидно, ихъ прежней судьбѣ...

А. Пѣшехоновъ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ